

eISSN 2311-2468
Том 11, № 1. 2023
Vol. 11, no. 1. 2023

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ВОЛЧОК А. А., ЛЮБУШКИН В. А.

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРАВОСОЗНАНИЕ

Аннотация. В статье исследуется место народного суверенитета в современной юриспруденции. Проведен анализ существующих взглядов и критических мнений по отношению к данной концепции, также изучено влияние взглядов и теорий суверенитета на правосознание.

Ключевые слова: народный суверенитет, общественный договор, правосознание, авторитаризм, права и свободы.

VOLCHOK A. A., LYUBUSHKIN V. A.

SOVEREIGNTY OF PEOPLE AND LEGAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The article examines the place of national sovereignty in modern jurisprudence. The analysis of existing views and critical opinions in relation to this concept is carried out. The influence of views and theories of sovereignty on legal consciousness is also studied.

Keywords: sovereignty of people, social contract, legal consciousness, authoritarianism, rights and freedoms.

Понятия «народовластие», «народный суверенитет», «демократия» давно возникли в юриспруденции, перейдя из концепции естественного права и закрепившись в позитивных нормах, став его неотчуждаемой частью. Но, к сожалению, как показывает исторический опыт, в процессе развития права данная терминология нередко теряла свой изначальный смысл, становясь инструментом в руках отдельных лиц. Порой даже превращаясь в «фикцию», которой оправдывали деспотические действия со стороны государства, а многие антиправовые законы в действительности ставили под сомнение реальное существование «народного суверенитета».

Предметом нашего исследования является категория «общественный договор», зародившаяся в политико-правовых учениях Нового времени. Общественный договор, в свою очередь, подразумевает под собой некую метафизическую условность, которая, несмотря на разнообразие трактовок, обычно сводится к следующим общим условиям: народ, имея естественные права, «договаривается» с властью на определенных условиях, устанавливая степень своих свобод, прав и обязанностей, а также механизмы влияния на саму власть. Подходы к пониманию категории «общественный договор» отличаются в зависимости от исследователя, а в современном мире и это разнообразие подвергается разным толкованиям. Так, Т. Гоббс видел в общественном договоре необходимость, а носителем суверенитета усматривал власть, самого «суверена» [4, с. 115]. О демократии в

его теоретическом видении суверенитета не могло быть и речи, суверенитет принадлежит власти, народ вынужден лишь подчиняться ее решениям. Сам суверенитет видится как инструмент для контроля эгоистической природы человека и недопущения беспорядков. Согласно суждениям Т. Гоббса, очевидно, что на начальных этапах формирования теории суверенитета последний выступал в качестве обоснования любых решений, принимаемых властью; население же воспринималось как люди неспособные договариваться без веления «сверху», постоянно вступающие в конфликт и реализующие свои интересы путем нарушения прав остальных лиц [14, с. 43]. Можно утверждать, что в современной политике стали всё чаще встречаться власть имущие, проявляющие грубое неуважение к населению, которое как раз и наделило их соответствующими полномочиями, в этом мы видим возвращение к буквальному пониманию суверенитета, как возможности принимать «любые» решения, не считаясь с населением [16].

Некую опасность для правосознания субъектов права может представлять поиск современными исследователями противоречий в рассуждениях классиков естественного права, в том числе и у Т. Гоббса. Указывая на верховенство и непререкаемость власти, доходя до абсолюта во всем, Т. Гоббс параллельно говорит о том, что государство всё же обязано соблюдать общественный договор, а гражданские права и свободы – это точно та сфера, в которую никто не имеет права вмешиваться. Указание исследователями на данные противоречия дает только больше возможностей для демагогии вокруг народного суверенитета и свобод народа. Да, возможно суверен при написании законов должен руководствоваться социальными и политическими запросами населения, но всё же его власть не оспариваема, а сам по себе суверенитет вместе с государством вновь приобретает статус регуляторов и ответа на внешнее воздействие или насилие [10, с. 39]. Всё это может впоследствии послужить опасной риторикой для государства, которое будет заявлять о праве на использование любых внутренних беспорядков или внешнеполитического кризиса в качестве причин для усиления собственной власти и ограничения свобод, ссылаясь на имеющийся у него суверенитет.

Совершенно противоположная теория была разработана Ж.-Ж. Руссо, который считал, что именно народ является как носителем суверенитета, так и самой «властью», формируя государство и его органы из своих представителей, устанавливая право изменения власти в случае нарушения ею народного суверенитета [13, с. 560-561]. На самом деле, данный подход является другой крайностью рассматриваемого нами правового и политического явления, который также стал объектом интеллектуальных манипуляций современных исследователей. Теория суверенитета, выдвинутая Руссо, и вовсе фактически замещает государство самим суверенитетом, а в качестве общественного договора в ней

выступает насильственное свержение действующей власти и изменение общественного строя, доходящее вплоть до массового террора. Идеалистическая концепция Руссо в реальности воплощалась параллельно с насилием, «неинституционализированными» мерами и средствами, предпринимаемыми государством, ставя волю народа выше, чем закон. В самом упрощенном виде теория, разработанная Ж.-Ж. Руссо, понимается как полная свобода действий толпы, недовольной государством, доходящей вплоть до его уничтожения и радикального отрицания человеческих ценностей [3, с. 287]. В контексте влияния на правосознание можно сформировать на этой основе позицию радикального либерализма или радикальной демократии, когда народный суверенитет ставится выше государственного, протесты, восстания и насильственные действия по отношению к власти в глазах народа приобретают легитимный характер борьбы, а действующее законодательство, наоборот кажется несправедливым, не обеспечивающим должный уровень социального взаимодействия. В реальности подобное лишь приводит к смене одной политической элиты на другую, которая в целях укрепления власти проводит репрессивную политику, при этом действуя полностью с одобрения радикально настроенных масс. Вряд ли подобный «порядок» может обеспечить нормальное развитие правовых норм и институтов, соблюдение всех прав и свобод в соответствии с закрепленными принципами.

В современном мире общественный договор чаще всего воспринимается как возможность народа по осуществлению своей власти непосредственно или путем формирования представительных органов, также относя сюда независимые от государства и его аппарата принуждения структуры гражданского общества. Это позволяет эффективно заменять насильственные революции постепенной эволюцией норм права и государственного устройства [6, с. 95-97]. Всё же, на наш взгляд, при этом сохраняется проблема «радикального» понимания народного суверенитета, в силу чего могут возникать нормы, нарушающие права человека, появляться авторитарные государства, могут иметь место дестабилизация общества, деформация правосознания. В подтверждение данного вывода можно привести примеры из сферы исследования актуальных политических конфликтов. Автор одного исследования утверждает, что попытки современной российской власти сдерживать противоречия в обществе идеями «солидарности и единения», выстраивания единой идеологической модели общества, только усугубляют ситуацию, в реальности конфликтам необходимо существовать и создавать конкурирующую среду для всех социальных групп и индивидов [11, с. 11-12]. В одной из работ и вовсе гражданское общество и государство выставляются в качестве противостоящих друг другу элементов, а конфликты, которые могут случиться на этом фоне, и неразрешенные противоречия влекут за собой положительный, конструктивный результат [7, с. 68-69]. Подобные идеи, возможно,

полезны с точки зрения строительства демократии и политических технологий, но, если давать им правовую оценку, то становится очевидно, что подобное понимание гражданского общества может превратить его в платформу для экстремистских идей, способствовать углублению конфликта между государством и гражданским обществом, привести к созданию нового «центра» легитимности в лице данного института, маргинализируя понимание народовластия и защиты собственных прав, постепенно разрушая ценностное отношение к государству и закону со стороны населения.

Попытку воплотить в жизнь идеи о суверенитете Ж.-Ж. Руссо предпринял М. Робеспьер. Идеологические основы террора времен диктатуры якобинцев прослеживаются в докладе «О принципах революционного правительства», в котором М. Робеспьер отрицает властные институты, оправдывая жестокие и чрезвычайные меры, предпринимаемые правительством, необходимостью. Конституция же у М. Робеспьера из акта, имеющего высшую юридическую силу, превращается в объект демагогии и сакрализации революции, при этом все антиправовые методы управления оправдываются защитой народного суверенитета и его проявлением [12, с. 90-91].

Более углубленно изучает рассматриваемую проблему немецкий философ К. Шмитт. В его понимании, порой для защиты Конституции необходимо отрицать ее положения, а в силу неспособности представительных органов «молниеносно» разрешать возникающие коллизии попросту упразднять эти органы, передавая полномочия единоличному «суверену» или диктатору. Тем самым автор делает вывод, что для охраны демократии и права ими можно пренебрегать, создавая, по его мнению, вполне обоснованное противоречие [15, с. 127]. В свою очередь, лицо, наделенное суверенитетом, вправе аргументировать совершаемые им действия «божественной волей», настроениями масс, исторической необходимостью. К. Шмиттом суверенитет воспринимается как нечто более «возвышенное», нежели право и конституционно закрепленные институты, поэтому диктатор единолично легитимен принимать решения. Поскольку волю всего народа трудно реализовать через нормативное регулирование или законодательные акты, то его единоличный представитель, вплоть до диктатуры, имеет на это полное право.

Можно констатировать, что подобные идеи понимания суверенитета, по факту подводящие к обоснованию легитимности диктатуры, нашли свое определенное отражение и в российской правовой теории. Так, В. Зорькин в своих работах не раз подчеркивал устаревание представительных институтов власти, неактуальность либеральных ценностей, поиск «иной» альтернативы установившемуся порядку [17].

Неоднозначны взгляды исследователей и на соотношение государственного, национального и народного суверенитетов. Одни авторы придерживаются позиции, согласно

которой народный суверенитет первичен по сравнению с государственным, государство само по себе лишь внешняя форма, способствующая его реализации. Другие исследователи считают, что как таковое фактическое существование народного суверенитета попросту невозможно, поскольку всё это реализуется в формально закреплённых институтах государства, выделение народного суверенитета приводит к коллизии, конфликту между двумя разными субъектами, абсурдности ситуации, когда нам бы пришлось распределять «количество» суверенитета в равной мере [8, с. 24]. Воспринимая право в качестве выражения народного правосознания и менталитета, авторами замечено, что включение в тексты законов неправовых категорий, теоретическое изучение права через социально-культурную призму может обернуться деструктивными последствиями для правовой культуры [1, с. 14-15].

Таким образом, можно сделать вывод, что опасность неверного понимания сущности народного суверенитета сохраняется, на это указывает и российский опыт событий 1993 года [2, с. 223-224]. «Революционное» толкование теории суверенитета деформирует правосознание, что может впоследствии выразиться в игнорировании права под видом его охраны, а также в разрушении стабильных государственных институтов, их замене прямой контролируемой волей с дальнейшим переходом в диктатуру. Оправдываемое противоречие приводит к замкнутому циклу, когда ради защиты прав и свобод происходит их ущемление, вседозволенность власти и фактическое лишение народа суверенитета.

В этой связи возникает вопрос о возможности для народа восстановить свои ущемленные права, но в таком случае как можно реализовывать суверенитет, когда существует централизованная власть, которой вверили данные полномочия? Подтверждением этому выступает одна из исследовательских позиций, согласно которой в реальности нецелесообразно выстраивать различия между «разными» суверенитетами, а также проводить соотношение их внутреннего и внешнего компонентов. Автор утверждает, что народ сам по себе ничего не представляет без конструктивного выражения в виде государства, а внутренне его реализация происходит через «верховную власть», которая и служит одновременно как связью, так и отграничением народа от государства [5, с. 29-30]. Но тогда остается открытым вопрос и об альтернативе представительным формам реализации власти. Насколько они могут действительно стать источником демократии и права? Между тем из истории известно, что часто именно плебисцитарная демократия устанавливала в итоге деспотические формы правления. Исследование западной правовой мысли показало, что понимание народного суверенитета как передачи полномочий представителям народа, а не попытки реализации его напрямую, позволило реализовать относительно успешные демократии на практике (Западная Европа), а все попытки

«руссоистского» строительства общества приводили к массовому террору или тоталитарной диктатуре [9, с. 51].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев С. В. Верховенство Российской Конституции: к вопросу о проблемных аспектах понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 10–17.
2. Винницкий А. Наследие Карла Шмитта как ключ к пониманию российского политического пространства // Generation PP. Приложение к журналу «Публичная политика». – 2021. – Т. 1. – № 4. – С. 211–225.
3. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Радикальный либерализм Жан-Жака Руссо и современность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18. – № 4. – С. 282–289.
4. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского; предисл. и ред.: А. Ческис. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.
5. Грачев Н. И. Государственный и народный суверенитет в их «внешнем» и «внутреннем» выражении // Философия права. – 2006. – №4 (20). – С. 27–31.
6. Длугач Т. Б. От Левиафана к гражданскому обществу // Историко-философский ежегодник. – 2020. – Т. 35. – С. 77–100.
7. Иванова В. И., Киняшева Ю. Б. Конструктивный потенциал политических конфликтов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 66–72.
8. Корецкая Т. П. Проблемы взаимодействия народного, национального и государственного суверенитета в современном российском конституционализме // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 23–30.
9. Курскова Г. Идея народного суверенитета в западной политико-правовой мысли // Закон и право. – 2008. – № 9. – С. 48–51.
10. Митюрева Д. С. Жан Боден и Томас Гоббс: в поисках идеального государя // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3 (63). – С. 37–40.
11. Никовская Л. И. Гражданское общество и протесты: что за ними стоит? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 4 (110). – С. 5–13.
12. Робеспьер М. Избранные произведения. – М., 1965. – Т. 3. – 318 с.
13. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основания неравенства между

людьми // Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1969-1972. – Т. 2. – 704 с.

14. Фролова Е. А. Из истории философии права: Т. Гоббс о государстве и праве // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6 (186). – С. 42–44.

15. Шмитт К. Диктатура; пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Кузницына. – СПб., 2005. – 326 с.

16. Случаи скандальных высказываний российских региональных чиновников [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/info/6835618?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign (дата обращения 19.09.2022).

17. Зорькин: недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями [Электронный ресурс] // Российская газета.ру. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html> (дата обращения 20.09.2022).

ГИНЗБУРГ И. В., СКИПЕТРОВ Д. П.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос использования видеоконференцсвязи в судебном процессе. Анализируются тенденция цифровизации права, а также некоторые возникающие в этой связи проблемы. Также рассматриваются вступившие в силу и грядущие законодательные изменения в области правового регулирования проведения судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи.

Ключевые слова: арбитражный суд, видеоконференцсвязь, судопроизводство, Арбитражный процессуальный кодекс, заявление, участники процесса.

GINZBURG I. V., SKIPETROV D. P.

USE OF VIDEOCONFERENCING IN ARBITRATION PROCEEDINGS

Abstract. This article discusses the use of videoconferencing in the trial. The authors analyze some of the problems arising due to digitalization of law. The legislative changes that have come into force and are to come in the field of legal regulation of holding court hearings using videoconferencing are considered.

Keywords: arbitration court, videoconferencing, legal proceedings, Arbitration Procedure Code, application, participants of legal proceedings.

Процесс цифровизации сегодня внедряется в каждую сферу жизни общества: культурную, социальную, экономическую и политическую. Не стала исключением и правовая сфера, что ярко иллюстрирует Федеральный закон от 27.07.2010 №228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [3], который на законодательном уровне закрепил возможность использования при рассмотрении дел в арбитражном процессе связи посредством видеоконференций (далее – ВКС). Это позволило суду, рассматривающему то или иное дело, заслушивать показания сторон, третьих лиц, свидетелей и экспертов лично и в режиме реального времени [5]. Такие изменения были направлены на поэтапное воплощение идеи электронного правосудия.

Цифровизация права являлась предметом обсуждения в юридических научных публикациях долгое время, но с внезапным наступлением эпидемии COVID-19 данный вопрос стал одним из наиболее актуальных [7].

Пандемия коронавируса стала также и серьезным стимулом для укрепления в сфере судопроизводства достижений технического прогресса, так как, несмотря на ограничительные меры, социум всё же непрерывно нуждается в осуществлении правосудия. Статья 46 Конституции Российской Федерации [1] гарантирует каждому судебную защиту

прав и свобод, но иногда некоторые обстоятельства, каким и стала пандемия COVID-19, затрудняют практическую реализацию данного права. Доступность правосудия является многоаспектным понятием, связанным как с вопросами устранения препятствий в доступе к правосудию для всех категорий лиц, так и установлением системы государственных гарантий, обеспечивающих доступ к правосудию. Расширение возможностей для подачи документов в суд, а также участия в судебном заседании, является адекватным ответом на запросы общества. Без принятия конкретных мер, направленных на реализацию данного права, особенно в современных условиях, задачи судопроизводства, зафиксированные в статье 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – АПК РФ), были бы недостижимы.

Статья 153.1 АПК РФ регламентирует возможность участия субъектов в судебном процессе без его личного посещения, что обеспечивается ВКС. Система ВКС положительно влияет на уровень открытости и прозрачности деятельности судов перед гражданами, а также способствует реализации задачи доступности правосудия по экономическим спорам. Открытость, гласность и доступность судопроизводства являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль над функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство выступает одним из средств поддержания доверия общества к суду, что и является целью применения системы ВКС в судах.

Для использования технологии ВКС инициатива может исходить от лиц, участвующих в арбитражном процессе. Участник в случае необходимости должен подать соответствующее ходатайство в суд, в чьей компетенции находится судебное дело. Также стоит обратить внимание на тот немаловажный факт, что для рассмотрения дела с использованием ВКС судебный орган должен иметь необходимый уровень технического оснащения. Данное ходатайство будет рассмотрено судьей единолично в течение 5 дней. Для оценки ходатайства судье необходимо выяснить:

- имеет ли заявитель право на подачу такого ходатайства;
- подано ли заявление в надлежащий срок;
- достаточно ли технически оснащен избранный заявителем судебный орган для проведения заседания с использованием ВКС.

В том случае, если суд удовлетворит ходатайство об участии в процессе с использованием технологии ВКС, арбитражный суд, в рассмотрении которого находится дело, поручает соответствующему арбитражному суду, при содействии которого ходатайствующая сторона сможет принять участие в таком судебном заседании, организацию ВКС [6]. Такое поручение содержится в соответствующем определении

арбитражного суда.

Важным является вопрос о выборе судебного органа, при содействии которого будет проводиться ВКС. Анализируя статью 153 АПК РФ, можно сделать вывод о том, что заявитель выбирает судебный орган самостоятельно. Зачастую таким судом становится наиболее приближенный к гражданину орган правосудия. Обратить внимание стоит на тот факт, что выбранный суд может быть любой инстанции и любого уровня. При проведении заседания с использованием ВКС ведется протокол в традиционной форме, ведется видеозапись судебного процесса. Материальный носитель, содержащий данную видеозапись, позже должен быть приобщен ко всем прочим материалам дела.

Также возможен и отказ в удовлетворении ходатайства об участии в процессе с использованием технологии ВКС. Отказ возможен в следующих случаях:

- отсутствует техническая возможность для участия в судебном заседании с использованием систем ВКС;
- разбирательство дела осуществляется в закрытом судебном заседании.

Судопроизводство в Российской Федерации строится на основе предоставления равных процессуальных возможностей по защите своих прав и законных интересов (без изъятий и дискриминации) лицам, участвующим в деле. Форм реализации права довести свою позицию до суда в арбитражном судопроизводстве несколько, и применяются они по усмотрению стороны. Например, сторона может привлечь к участию в деле представителя, может представлять свои доводы и возражения, в том числе, в письменной форме, может участвовать в процессе путем использования систем ВКС. Таким образом, неудовлетворение ходатайства о применении системы ВКС само по себе не должно рассматриваться как основание для утверждения о нарушении принципа доступности правосудия.

Помимо возможности участвовать в судебном процессе с использованием ВКС для конкретной стороны, существует вариант, при котором дело будет рассматриваться в режиме онлайн для всех участников. Для того чтобы принять участие в рассмотрении спора в подобном формате необходимо иметь учетную запись, подтвержденную через сервис «Госуслуги».

Для проведения онлайн-заседания участнику будет необходимо подать ходатайство, используя систему «Мой арбитр», а также приложить необходимые документы в электронной форме. При удовлетворении ходатайства участники получают инструкции по настройке программы и уведомления о дате начала рассмотрения спора.

Одной из проблем рассмотрения споров с использованием системы ВКС может стать «технический вопрос». При этом следует разграничить ситуацию отсутствия у суда технической возможности для рассмотрения дела с применением ВКС и неполадки, которые

могут возникнуть при использовании ВКС [8]. При возникновении технических сбоев арбитражный суд может отложить рассмотрение дела (п. 5. ст. 158 АПК РФ). Отсутствие же технической возможности означает тот факт, что конкретный арбитражный суд не имеет исправного оборудования для использования технологии ВКС.

По вопросу использования ВКС в арбитражном процессе крайне важным видится Федеральный закон от 30.12.2021 №440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Данный Закон предусматривает внесение изменений в АПК РФ, а именно следующие моменты: установление личности граждан (либо же их представителей) посредством использования технологических средств – единой биометрической системы, идентификации и аутентификации; возможность подачи необходимых ходатайств и заявлений в электронной форме непосредственно во время процесса; дача свидетелями, экспертами и переводчиками подписки, усиленной специальной квалифицированной электронной подписью, о разъяснении ответственности в процессе рассмотрения спора с использованием ВКС. Мы полагаем, что такие изменения позволят повысить эффективность использования режима видеоконференции в арбитражном процессе, а также повысят уровень безопасности личных и коммерческих данных участников судебного заседания.

Подводя итоги, необходимо отметить, что введение в сферу арбитражного судопроизводства технологии ВКС, безусловно, является большим шагом к реализации принципа доступности правосудия. Подобного рода инструмент позволяет преодолеть некоторые факторы и обстоятельства, препятствующие реализации конституционного права на судебную защиту, наиболее актуальным из которых стала пандемия коронавирусной инфекции.

Для более эффективного использования ВКС и для оборудования каждого арбитражного суда соответствующей техникой необходимо достаточное финансирование, но предполагаем, что такие вложения будут оправданы, так как подобная практика позволит более оперативно и качественно решать законодательные требования, обеспечивающие правосудие в арбитражном процессе. Тем не менее, на сегодняшний день остаются проблемы, связанные с безопасностью личных данных (например, документов, удостоверяющих личность граждан), с возможными техническими сбоями, отсутствием технических рекомендаций к оборудованию, используемому в режиме ВКС, а также существенным различием в уровне обеспеченности арбитражных судов необходимыми технологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.08.2022).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №30. – Ст. 3012.
3. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №228-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – №31. – Ст. 4197.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. №440-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – №1 (Часть I). – Ст. 9.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. Л. В. Тумановой. – М.: Проспект, 2016. – 688 с.
6. Походеева К. Е., Чернопятенко А. В., Адабашев Т. К. Перспективы развития онлайн-заседаний в арбитражном процессе // Modern Science. – 2021. – № 12-3. – С. 265–270.
7. Савранский М. Ю., Попова М. Э. Арбитражное слушание с дистанционным участием: необходимые инновации, необратимо меняющие традиции // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 12 (181). – С. 134–148.
8. Терентьева Л. В. Организационно-правовые особенности использования видеоконференцсвязи в арбитражных судах // Правовая информатика. – 2017. – № 3. – С. 59–64.

СЛУГИНА И. С., МАСЛОВСКАЯ М. В.

**КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И МЕРЫ ПО ЕГО УСТРАНЕНИЮ**

Аннотация. В настоящей статье авторами проанализированы понятие и причины конфликта интересов в деятельности сотрудников органов внутренних дел. В качестве средств противодействия данному негативному коррупционному явлению авторами предложены различные меры профилактики, а также изменения в действующее законодательство, способствующие повышению результативности мер борьбы с коррупцией в правоохранительных органах.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционные стандарты, конфликт интересов, противодействие, ответственность, сотрудник органов внутренних дел, антикоррупционное поведение, деформация правосознания.

SLUGINA I. S., MASLOVSKAYA M. V.

CONFLICT OF INTERESTS OF EMPLOYEES

OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND MEASURES TO ELIMINATE IT

Abstract. In this article, the authors analyze the concept and causes of conflicts of interest in the activities of employees of internal affairs bodies. As a counteraction to this negative corruption phenomenon, the authors propose various preventive measures and amendments to the current legislation that contribute to improving the effectiveness of anti-corruption measures in law enforcement agencies.

Keywords: corruption, anti-corruption standards, conflict of interests, counteraction, responsibility, employee of internal affairs bodies, anti-corruption behavior, deformation of legal consciousness.

В настоящее время многочисленные коррупционные проявления в России вызывают особую тревогу. Следует отметить, что современная российская политика в области противодействия коррупции предусматривает разнообразные меры, принимаемые как на законодательном уровне, так и на уровне правоприменения. В то же время, несмотря на постоянное усиление мер по борьбе с коррупцией, данное антисоциальное явление, пронизывая все органы власти и управления, продолжает оставаться одной из угроз национальной безопасности России.

Нормативно-правовой основой в сфере борьбы с коррупционными проявлениями является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1]. Несмотря на свою необходимость и значимость как базового нормативного

акта в сфере борьбы с коррупцией, указанный закон не в полной мере регулирует меры противодействия коррупции, в том числе в правоохранительных органах, например, в органах внутренних дел (далее – ОВД), что не способствует уменьшению коррупционных проявлений в деятельности сотрудников указанных правоохранительных структур.

По мнению отдельных авторов, типичным мотивом совершения коррупционных действий сотрудниками полиции является деформация их профессионального правосознания, выражающаяся в стремлении получить незаконное вознаграждение за счет совершения противоправных действий. С подобными психологическими установками фактически любая рабочая ситуация может стать коррупционно опасной [4, с. 79].

Можно утверждать, что антикоррупционное поведение – это совокупность сознательных действий по предотвращению и преодолению коррупционно опасных ситуаций [5, с. 103].

Одним из составляющих элементов сферы противодействия коррупции является такое понятие, как конфликт интересов. Указанное понятие распространяет свое действие на все органы государственной власти и местного самоуправления, в том числе и на правоохранительные органы.

Впервые в законодательство, регулирующее условия прохождения службы в органах внутренних дел, понятие «конфликт интересов» было введено ст. 71 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. В настоящее время данное понятие определено в ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции».

Так, под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Перед сотрудником, вступившим в конфликт интересов, всегда стоит выбор между общественными интересами и своими личными, который требует своего обязательного разрешения.

Порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов устанавливается Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. №821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» [3].

Сотрудник ОВД принимает самостоятельные решения и осуществляет выбор тех или иных действий, используемых им в реализации своей профессиональной деятельности.

В случае, если сотрудником ОВД допущены отступления от антикоррупционных стандартов, в результате чего возник конфликт интересов, то подлежат применению установленные государством антикоррупционные меры по устранению конфликта интересов и его последствий. Перечень таких мер может предусматриваться в законодательных актах, регламентирующих прохождение службы в ОВД. Следует отметить, что конфликт интересов вызывается, как правило, умышленными действиями лица, вступившего в данный конфликт и действовавшего с целью реализации личной заинтересованности и получения собственной выгоды.

Мерами по недопущению возникновения конфликта интересов в профессиональной деятельности сотрудников ОВД являются действия по исключению взаимодействия с гражданами и юридическими лицами, если их интересы пересекаются с должностными обязанностями сотрудника ОВД. В этом случае, при возникновении указанного конфликта интересов, сотруднику ОВД следует воздержаться от реализации конкретных личных интересов при осуществлении своей профессиональной деятельности.

В случае, если в процессе осуществления своей профессиональной деятельности у сотрудника правоохранительных органов возникнет какая-либо личная заинтересованность, то он должен поставить в известность об этом своего непосредственного руководителя. Такое уведомление подается в письменном виде. Это делается с целью предотвращения возможного конфликта интересов данного сотрудника.

Руководитель, после того, как получит соответствующие сведения от подчиненного сотрудника, обязан предпринять необходимые антикоррупционные меры с целью предотвращения конфликта интересов, например, на период разрешения конфликта интересов отстранить сотрудника от исполнения его профессиональных обязанностей.

Следует подчеркнуть, что такое сообщение непосредственному руководителю сотрудник ОВД должен подать до возникновения конфликта интересов.

Таким образом, и сам сотрудник ОВД, и его непосредственный руководитель должны совместно предпринимать необходимые действия по недопущению конфликта интересов.

Если сотрудник правоохранительных органов в случае возникновения конфликта интересов проигнорировал антикоррупционные стандарты и не предпринял меры, направленные на устранение данного конфликта, к нему может быть применено дисциплинарное взыскание в виде увольнения в связи с утратой доверия. Данная мера дисциплинарного взыскания будет также применена в отношении непосредственного руководителя или его заместителя.

Рассматривая деятельность руководителя ОВД в решении задачи предотвращения конфликта интересов, следует отметить, что ему принадлежит главенствующая роль в предотвращении конфликта интересов его подчиненных или в его урегулировании, так как руководитель наделен соответствующими полномочиями по принятию властного управленческого решения, в том числе по данному вопросу.

К перечню мер предотвращения и урегулирования конфликта интересов в ОВД следует отнести:

- раскрытие конфликта интересов при назначении сотрудника на службу;
- для осуществления сотрудником ОВД иной оплачиваемой деятельности требуется получать разрешение комиссии по служебному поведению и урегулированию конфликта интересов на осуществление данной деятельности;
- реализация в отношении сотрудников различных стимулирующих мер;
- осуществление надлежащего контроля за соблюдением запретов и ограничений, установленных для сотрудников правоохранительных органов;
- установление этических норм поведения сотрудников ОВД в соответствии с осуществляемыми функциями в структурных подразделениях;
- соблюдение требований по трудоустройству сотрудников, прекративших службу в ОВД;
- проведение обучения сотрудников ОВД антикоррупционным стандартам, основы которых закреплены в Кодексе профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Конфликт интересов является одним из условий возникновения коррупции в рядах сотрудников ОВД. В связи с этим мерам предупреждения конфликта интересов должно уделяться наибольшее внимание.

Анализ изучения практики борьбы с коррупцией в системе ОВД показывает, что в целях дальнейшего совершенствования мер по профилактике и предотвращению конфликта интересов сотрудников указанных органов необходимо разработать новые, эффективные средства, отвечающие современным реалиям проявления коррупции и борьбы с ней.

Так, необходимо внести изменения в закон «О противодействии коррупции», установив в нем возможность применения, наряду с перечисленными в законе конкретными мерами, и иных мер урегулирования конфликта интересов, сделав таким образом перечень данных мер открытым, что будет способствовать более эффективной профилактике конфликта интересов на службе в правоохранительных органах.

В качестве таких мер можно предложить наделение комиссий по служебному поведению и урегулированию конфликта интересов полномочиями по оценке соответствия

поведения сотрудников ОВД этическим правилам. Также комиссиям следует предложить на своих совещаниях периодически анализировать эффективность применения конкретных антикоррупционных мер в структурных подразделениях ОВД.

Следует уделять больше внимания планированию и проведению в ОВД различных профилактических мероприятий, направленных на противодействие возникновения конфликтов интересов и их устранения. Указанные мероприятия можно проводить в форме различных бесед, лекций, круглых столов, диалогов, в том числе с использованием интернет-ресурсов. На таких мероприятиях следует изучать и анализировать типовые ситуации возникновения конфликта интересов, рассматривать конкретные дела о привлечении сотрудников ОВД, нарушивших антикоррупционные стандарты, к разным мерам ответственности.

Таким образом, с целью предупреждения конфликта интересов сотрудников ОВД необходимо формировать продуманную антикоррупционную политику, направленную на уменьшение коррупционных рисков в системе ОВД. Также следует повышать профессиональное правосознание сотрудников указанных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – №52 (ч. I). – Ст. 6228.
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – №39 (ч. I). – Ст. 7020.
3. О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов: Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. №821 // Российская газета. – 2010. – 7 июля.
4. Суколенко Е. А. Актуальные аспекты формирования антикоррупционного поведения курсантов и слушателей в образовательном процессе вузов МВД России // Философия права. – 2022. – № 1. – С. 79–83.
5. Митин А. Н. Проблемы формирования антикоррупционного поведения // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 6. – С. 103–109.

ПОДОЛЬНЫЙ Р. Н., ПОДОЛЬНАЯ Н. Н.
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В настоящее время цифровые технологии применяются в ходе совершения преступлений, затрудняя восприятие в событиях и фактах признаков, указывающих на их криминальную сущность. Практика расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, сталкивается с проблемой понимания субъектами уголовного судопроизводства обстоятельств их совершения. Одним из средств преодоления трудностей выявления и расследования этих преступлений является привлечение специальных знаний в сфере цифровых технологий.

Ключевые слова: расследование, цифровые технологии, преступление, специальные знания, судебная экспертиза, специалист.

PODOLNY R. N., PODOLNAYA N. N.
FEATURES OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE
IN DIGITAL CRIME INVESTIGATION

Abstract. Digital technologies are used in the course of committing crimes, which makes it difficult to detect the signs of criminal nature in events and facts. The subjects of criminal proceedings have problems understanding the circumstances of the commission of illegal actions. One of the means to overcome the difficulties of detecting and investigating digital crimes is to involve special knowledge in the field of digital technologies.

Keywords: investigation, digital technologies, crime, special knowledge, forensic examination, specialist.

Во всем мире сегодня наблюдается устойчивый рост внедрения и активности цифровых технологий. Сокращение численности мирового населения, не использующего Интернет, до менее чем трех млрд. человек, дает основание экспертам говорить о начале важного этапа глобальной цифровизации, когда технические приспособления с цифровыми технологиями из роскоши превратились в неотъемлемый элемент жизни человека [9]. К сожалению, современные технологии применяются и в ходе совершения преступлений, что часто осложняет деятельность правоохранительных органов по противодействию преступности. Обусловлено это тем, что применение современных цифровых технологий затрудняет восприятие в событиях и фактах признаков, указывающих на их криминальную сущность. Часто само применение таких технологий вызвано желанием замаскировать

противозаконность деяния. Но иногда задействованные технологии являются сложными настолько, что возникает вопрос о природе совершенного деяния. Как правило, этот вопрос практически всегда встает в случаях применения цифровых технологий, когда достаточно сложно определить грань между дозволенным и недопустимым поведением с точки зрения закона. Тем более, что цифровые технологии часто могут использоваться для обмана с целью завладения имуществом соответствующего лица. Они позволяют придавать внешне легальный вид намерениям конкретных лиц обогатиться преступным путем. Более того, часто с их помощью злоумышленники стремятся к тому, чтобы создать видимость благородства их поступка. Таким образом, предпринимается попытка выдать преступление за соответствующее закону действие, а иногда даже за поощряемое им.

Несомненная общественная опасность совершения преступления с помощью цифровых технологий обусловила то, что значительное число составов преступных деяний в настоящее время в качестве квалифицирующего признака предусматривают использование этих технологий. Это также повлекло выделение в Уголовном кодексе Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) отдельной главы 28, ориентированной на защиту правоотношений в сфере компьютерной информации – «Преступления в сфере компьютерной информации». Криминализация соответствующих деяний указывает на то, что цифровые технологии, лежащие в основе компьютерной информации, являются объектом уголовно-правовой охраны. Также это позволяет сделать вывод о том, что цифровые технологии способны создавать принципиально новые правовые отношения, которые нуждаются в законодательной защите. В связи с этим можно утверждать и то, что цифровые технологии способны серьезно изменять уже существующие отношения, внося специфику в осуществление их защиты. Это, в частности, наблюдается в ст. 159.6 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за мошенничество, совершенное в сфере компьютерной информации. Отмеченную особенность цифровой информации необходимо принимать во внимание не только при квалификации названных преступлений, но и при их расследовании. При этом следует учитывать многообразие цифровых технологий в современном мире.

Существующие сегодня цифровые технологии по-разному изменяют ставшие привычными действия и отношения. Одним из востребованных видов цифровых технологий, получивших большое распространение, является технология блокчейн (blockchain) [6], которая может быть использована для записи практически всего, что имеет ценность (а не только, как это часто считается, финансовых операций с криптовалютой), а потому способна изменять сложившуюся социальную реальность и создавать как новые способы защиты от преступных посягательств, так и благоприятные для них условия.

Цифровые технологии позволяют с несколько иных точек зрения посмотреть на уже существующие и регулируемые законом отношения, привнося в них новые элементы. Они способны изменить традиционное понимание определенных социальных явлений и переосмыслить значение устоявшихся отношений для общества и государства. Это отчетливо видно на примере использования криптовалюты в конкретных правоотношениях [5]. Криптовалюта является результатом использования технологии блокчейна. Природа криптовалюты способна менять отдельные уже сложившиеся связи в сфере товарно-денежных и финансовых отношений. Она также является достаточно эффективным средством сокрытия признаков противоправности совершаемых действий. В частности, уже сами по себе операции с криптовалютой заинтересованные лица стремятся преподнести как социально-полезные, обосновывая это тем, что они способствуют ускорению экономических отношений и исключению из них излишних посредников в лице банков. Кроме того, криптовалюта позиционируется как электронные деньги, подделать которые невозможно. Это формирует у людей убеждение в безопасности вложений в криптовалюту, а потому складывается представление о том, что с ее помощью невозможно совершение преступлений, поскольку от операций с криптовалютой не может исходить какая-либо общественная опасность. Человеческая мысль не стоит на месте, и блокчейн-технологии, и сами криптовалюты также развиваются, их перспективы во многом непредсказуемы, а значит, непредсказуема и трансформация преступной деятельности, связанной с ними.

Как показывает практика правоохранительной деятельности, наиболее часто блокчейн используется при совершении мошенничества [7]. Это связано с тем, что данная технология достаточно эффективно позволяет замаскировать мотив совершения соответствующего деяния. В частности, материальные потери от криптовалюты часто представляются мошенниками как проявление нестабильности соответствующего рынка. Также преступные мотивы могут маскироваться под инвестиционные риски субъекта. В этом случае убытки представляются как результат колебаний в соответствующих отраслях экономики. Иногда убытки преподносятся как особенности конкретной криптовалюты. При этом злоумышленник стремится к тому, чтобы под сложными объяснениями сути соответствующих сделок с криптовалютой замаскировать заранее планируемые преступные действия по обращению чужих денежных средств в свою собственность.

Сложность технологий, лежащих в основе обращения криптовалюты, позволяет замаскировать под сложным объяснением корыстный мотив, ориентированный на вполне определенный преступный результат. Это позволяет злоумышленнику оправдать обращение денежных средств в свою пользу, то есть представить это как гражданско-правовую сделку. Тем самым появляется возможность обосновать отсутствие виновности лица, что будет

означать отсутствие одного из обязательных признаков преступления. Таким образом, обеспечивается не только возможность скрыть преступление, но и достаточно эффективно защититься от предъявления обвинения. Наряду с этим обеспечивается достаточно удобная позиция для планирования и организации противодействия осуществлению правосудия.

Использование цифровых технологий при совершении отдельных видов преступлений ориентировано не только на сам механизм совершения определенных действий, которые способны обеспечить достижение поставленной цели, но и на то, что сотрудники правоохранительных органов не обладают достаточным объемом знаний, необходимых для понимания соответствующих процессов и явлений. Для понимания сути действий, выполняемых с помощью цифровых технологий, недостаточно лишь юридических знаний, необходимы знания в соответствующих сферах науки и техники. Именно на это обычно и рассчитывают лица, замыслившие совершение преступления. Они полагают, что сложность и непонятность применяемой для совершения преступления технологии станет препятствием для выявления совершенного ими преступления, а в том случае, если оно и будет выявлено, то виновность будет обосновать достаточно сложно. Это ставит проблему привлечения к расследованию лиц, обладающих специальными знаниями в сфере цифровых технологий, уже на момент выявления преступления, то есть до возбуждения уголовного дела, и тесного взаимодействия следователя с этими лицами в ходе проводимого расследования. Отчасти эта проблема решается действующим уголовно-процессуальным законодательством. В частности, на стадии возбуждения уголовного дела при необходимости может быть проведена соответствующая экспертиза, в нашем случае – судебная компьютерно-техническая экспертиза, относящаяся к классу судебных инженерно-технических экспертиз [3]. Ее проведение на стадии возбуждения уголовного дела позволяет следователю еще до начала предварительного расследования определить перспективы предстоящего расследования и судебного разбирательства.

Чаще всего специальные знания в сфере цифровых технологий используются в форме проведения судебной компьютерно-технической экспертизы, несколько реже – в форме привлечения специалиста в сфере цифровых технологий, который дает пояснения фактам, событиям и обстоятельствам, устанавливаемым в ходе проводимого расследования [4]. Следственно-судебная практика показывает, что специалист по рассматриваемым уголовным делам привлекается для разъяснения участникам уголовного судопроизводства и суду вопросов, которые входят в сферу его компетенции. Однако, в соответствии со ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее – УПК РФ) только соответствующими разъяснениями участие специалиста в уголовном процессе не ограничивается. Для уголовного судопроизводства важны и иные компетенции специалиста,

которые достаточно четко и однозначно перечислены в названной норме уголовно-процессуального законодательства. Это, в частности, обнаружение, изъятие и закрепление предметов и документов, применение технических средств.

При расследовании преступлений рассматриваемого вида часто возникает необходимость проведения таких следственных действий, как осмотр, обыск и ряд других, результатом которых, по мысли следователя, должна стать информация, подтверждающая или опровергающая наличие значимых для дела обстоятельств. Для обеспечения успеха названных следственных действий необходимо привлечение специальных знаний в сфере цифровых технологий, поскольку без них достаточно сложно достигнуть поставленных тактических целей. Специалист в этих случаях помогает следователю в выявлении следов и иной информации, которая может способствовать восстановлению общей картины совершенного преступления или установлению его отдельных обстоятельств.

При расследовании преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, представляется необходимым более широко использовать в деятельности следователя специальные знания. При этом недопустимо ограничиваться исключительно теми формами привлечения специалистов, которые перечислены в ст. 58 УПК РФ, а применять также и иные, которые способны оптимизировать ход расследования, обеспечив установление всех обстоятельств совершенного преступления. Практика указывает на важность тесного взаимодействия лиц, обладающих познаниями в сфере цифровых технологий, со следователем в ходе расследования преступлений названного вида. Такое взаимодействие должно обеспечивать решение тактических задач, поставленных в ходе проведения конкретных следственных действий. В связи с этим, целесообразна такая форма взаимодействия следователя со специалистом в сфере цифровых технологий, как планирование и проведение следственных действий. В результате можно будет разработать алгоритм действий, который обеспечит эффективность деятельности следователя, необходимую степень ее результативности. Кроме того, благодаря специалисту имеется возможность избежать ошибок, которые способны осложнить установление истины по конкретному уголовному делу.

Сотрудничество со специалистом в ходе расследования позволяет определять не только то, какие следственные и иные процессуальные действия могут способствовать установлению истины, но и с помощью проведения каких тактических приемов имеется возможность установления обстоятельств совершения конкретного преступления [8]. Специалист помогает определить не только наиболее эффективный алгоритм соответствующего следственного действия, но и алгоритм иных поисково-познавательных действий, проводимых следователем.

Следует особо отметить то, что одной из форм использования специальных знаний в уголовном процессе является обладание ими (пусть и в небольшом объеме) следователем. Следователь должен знать, в частности, возможности судебной компьютерно-технической экспертизы, перечень тех вопросов, на которые она способна ответить. Также следователь должен знать, какая информация может быть им получена в результате проведения соответствующих следственных действий в ходе расследования преступления, при совершении которого применялась та или иная цифровая технология. Он должен знать и то, какое противодействие установлению истины может быть оказано лицами, не заинтересованными в успешном завершении расследования. Все эти встающие перед следователем задачи могут быть эффективно решены лишь при наличии у следователя определенного минимума специальных знаний. Тогда следователь уже на начальном этапе может правильно сориентироваться в тех действиях, которые могут обеспечить успех в установлении обстоятельств расследуемого события.

Как показывает практика, нередко уже на момент поступления сообщения о совершении преступления правоохранные органы испытывают трудности в правильном реагировании на это сообщение. Они не знают, как следует оценить соответствующее деяние по причине использования при его подготовке, совершении или сокрытии цифровых технологий, поскольку это выходит за пределы правовых знаний, которыми они обладают, и за пределы знаний о деятельности по выявлению и закреплению информации о признаках преступления. В связи с этим первоочередной задачей становится определение того, какие первоначальные действия следует предпринять при получении соответствующего сообщения о совершении преступления, в котором была применена определенная цифровая технология. Самым оптимальным способом решения указанной задачи является использование следователем своих знаний в сфере цифровых технологий, даже несмотря на то, что эти знания у него могут быть минимальны. Это позволит уже на стадии возбуждения уголовного дела заложить основы успешного предварительного расследования и последующего судебного разбирательства. Поэтому представляется целесообразным организовать соответствующее обучение следователей с тем, чтобы они обладали необходимым минимумом знаний в сфере цифровых технологий, который позволил бы правильно оценивать конкретную следственную ситуацию и планировать подходящие следственные и иные процессуальные действия.

Также следует отметить, что важным условием успешного расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, является грамотное взаимодействие следователя с лицами, обладающими соответствующими специальными познаниями. Формы и способы такого взаимодействия должны содержаться в частной

криминалистической методике расследования преступлений рассматриваемого вида. Наличие рекомендаций по использованию специальных познаний при расследовании преступлений, в которых применяются цифровые технологии, должно решить те проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается практика правоохранительных органов. Использование названных рекомендаций способно обеспечить оптимизацию расследования преступлений рассматриваемого вида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 №174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №52 (часть I). – Ст. 4921.
3. Баюш А. А. Судебная компьютерно-техническая экспертиза в системе судебных экспертиз // Политехнический молодежный журнал. – 2019. – № 8 (37). – С. 10.
4. Ковалева В. А. Проблемы правового регулирования статуса специалиста и форм его деятельности в российском уголовном процессе // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. – 2022. – № 34. – С. 534–539.
5. Тихонов Э. Ю., Мухаметшина Г. Ф., Стройкина И. А. Использование криптовалют в преступной деятельности // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 11 (58). – С. 117–118.
6. Токолов А. В. Блокчейн-технологии в механизме преступлений в интернет-пространстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2019. – № 3 (25). – С. 149–152.
7. Русскевич Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 106–125.
8. Чебуренков А. А. Проблемы оценки допустимости отдельных тактических приемов производства следственных действий // Следователь. – 2005. – № 8. – С. 24–28.
9. Kemp S. Digital 2022: July Global Statshot Report 21 July 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/?tag=Digital+2022> (дата обращения 18.09.2022).

СУРОДЕЕВ Л. С., ЧЕБУРЕНКОВ А. А.

**К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Аннотация. Система санкций уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления коррупционной направленности, не предусматривает в качестве меры наказания конфискацию имущества осужденного. Данное положение не способствует эффективной борьбе с коррупцией, поэтому предлагается вернуть конфискацию имущества в число видов наказания и применять ее как меру экономической ответственности коррупционеров.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, конфискация имущества, санкция, уголовное наказание, система наказаний, должностное лицо, иные меры уголовно-правового характера.

SURODEEV L. S., CHEBURENKOV A. A.

ON CONFISCATION OF PROPERTY FOR CRIMES OF CORRUPTION

Abstract. The system of sanctions of criminal law that establishes responsibility for crimes of corruption does not provide for the confiscation of property of the convict as a punishment. This provision does not contribute to the effectiveness of fight against corruption. Therefore, it is proposed to return the confiscation of property to the types of punishment and apply it as a measure of economic responsibility of corrupt officials.

Keywords: crimes of corruption, confiscation of property, sanction, criminal punishment, punishment system, official, other criminal law measures.

В борьбе с преступлениями коррупционной направленности значительная роль принадлежит наказанию. Достижение целей, поставленных перед уголовным наказанием, которое назначается лицам, признанным виновными в совершении конкретных коррупционных преступлений, во многом зависит от того, каким образом строятся санкции в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) о данных преступлениях, какие виды наказаний они предусматривают, каковы верхние и нижние границы тех или иных санкций, обеспечиваются ли установленными санкциями необходимая степень дифференциации уголовной ответственности и т.д.

П.П. Осипов отмечал, что «при построении и применении уголовно-правовых санкций следует избегать односторонности и стремиться к диалектическому сочетанию внешне противоречивых (но внутренне согласованных...) требований, соблюдение которых, с одной стороны, ведет к утрате наказанием элементов жестокости, а с другой – препятствует

превращению его в сентиментально-либеральную меру, проникнутую духом абстрактного гуманизма и пекущуюся лишь об интересах лица, совершившего преступление» [9, с. 128].

Как показывает исторический опыт законодательного регулирования ответственности за преступления коррупционной направленности, в особенности, совершаемые должностными лицами, наказание за данные деяния на нормативном уровне всегда было суровым. За наиболее тяжкие должностные преступления (в частности, получение взятки) на протяжении значительного периода времени предусматривалось самое суровое наказание – смертная казнь (окончательно она была исключена из числа видов наказания, назначаемых за должностные преступления, в 1993 году, и новый УК РФ больше данную меру за получение взятки не предусматривал).

В своем большинстве санкции норм действующего уголовного законодательства способны создать необходимые условия для правоприменителя в адекватности уголовно-правовой оценки злоупотреблений должностных лиц и обеспечить назначение виновным в совершении данных деяний справедливого наказания. Однако отмечаются и определенные недостатки системного уровня, которые снижают эффективность борьбы с коррупционными преступлениями. Один из них заключается в отсутствии в анализируемых санкциях такой меры ответственности, как конфискация имущества.

Действующий УК РФ с 2003 г. не предусматривает за совершение каких-либо преступлений такого вида наказания, как конфискация имущества. Между тем, конфискация имущества по советскому уголовному законодательству рассматривалась как серьезная мера ответственности за совершение различных корыстных преступлений, в том числе за злоупотребления должностных лиц.

В самых первых законодательных актах, устанавливающих уголовную ответственность за должностные преступления, содержались указания на применение к виновным в качестве одной из мер наказания конфискации имущества (полной или частичной). Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» предусматривал конфискацию имущества за квалифицированные виды дачи и получения взятки. В соответствии с новым Декретом Совета Народных Комиссаров от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» конфискация имущества уже могла быть назначена и за простой состав получения взятки, а также за «посредничество в совершении означенного ... преступления, а равно укрывательство взяточников» [7, с. 228].

В качестве дополнительной меры наказания за совершение преступлений, связанных со взяточничеством, конфискация имущества сохранилась в УК РСФСР 1922 г. (ст. 114), УК РСФСР 1926 г. (ч. 2 ст. 117), УК РСФСР 1960 г. (ст.ст. 173, 174, 174¹).

В рассматриваемый период Советское государство исходило из того, что конфискация

имущества являлась важным средством обеспечения действенности уголовной репрессии за должностные преступления. На подобное отношение к конфискации ориентировалась и судебная практика. Так, Пленум Верховного Суда СССР неоднократно отмечал, что «суды обязаны неуклонно соблюдать требование закона о применении конфискации имущества в качестве дополнительной меры наказания за получение взятки и квалифицированное посредничество во взяточничестве» (постановление от 23 сентября 1977 г. №16 «О судебной практике по делам о взяточничестве»), указывал судам, что «неприменение ко взяточникам конфискации имущества, когда она по закону обязательна, – является грубым нарушением закона» (постановление от 7 декабря 1979 г. №10 «О практике применения судами законодательства об ответственности за взяточничество и ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. №16 «О судебной практике по делам о взяточничестве»») [11, с. 379-380].

Конфискация состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества осужденного. Применение данного вида наказания позволяет в определенном объеме восполнить причиненный преступлением материальный ущерб и существенно подрывает экономическую основу дальнейшей преступной деятельности (поскольку в конечном счете поставленная преступником цель – обогащение оказывается недостижимой), то есть имеет предупредительный эффект.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ [3] конфискация имущества как вид уголовного наказания была исключена из УК РФ. Этим же законодательным актом в санкциях статей Особенной части УК РФ, в которых предусматривалась конфискация имущества, она была заменена штрафом.

В литературе отмечается, что состоявшееся решение законодателя было обусловлено рядом причин. В их числе указывалось, например, что применение конфискации имущества как меры наказания было связано с серьезными последствиями (имущественными лишениями) не только для осужденного, но и для членов его семьи, которые могут быть и не в курсе его преступной деятельности, а это противоречит личному характеру наказания. Конфискация имущества – мера заведомо неравная, так как она могла быть применена только к имущим и была неприменима в отношении неимущих, что нарушало базовый правовой принцип равенства граждан. Конфискация способна создать серьезные проблемы в ресоциализации лица, отбывшего наказание, так как после отбытия длительного срока лишения свободы осужденный фактически должен был начать новую жизнь без имущества. В этой ситуации нельзя исключить, что отсутствие имущества будет для освобожденного из мест лишения свободы сильнейшим стимулом возобновления им своей корыстной преступной деятельности [12, с. 130-136; 13, с. 332-333].

Представляется, что перечисленные негативные характеристики конфискации имущества не должны были служить основанием для состоявшегося радикального решения. Другие оставшиеся в УК РФ виды наказания также могут повлечь не менее существенные последствия для осужденных. Так, отбывание осужденным наказания в виде лишения свободы даже без конфискации имущества существенным образом сказывается на материальном благополучии совместно проживающих с ним членов семьи, если доходы осужденного были основным источником средств для их существования. Или штраф, назначенный в виде крупной суммы, может оказаться для осужденного более разорительным, чем конфискация имущества. С другой стороны, даже при полной конфискации законом всегда предусматривалось оставление осужденному определенного объема имущества, не подлежащего изъятию. Кроме того, не вызываемая необходимостью степень репрессивности полной конфискации имущества, при которой изымается все принадлежащее осужденному имущество, может быть в соответствующих случаях уменьшена в ходе правоприменения судом, который вправе назначить частичную конфискацию имущества (изъятие его определенной части), в меньшей степени затрагивающую имущественные интересы семьи осужденного.

В качестве причины исключения конфискации имущества из системы наказаний нередко указывалась ее недостаточная эффективность, прежде всего, с позиции исполняемости данной меры наказания на практике. Изъятие по приговору суда имущества у осужденного сталкивалось с затруднениями в связи с тем, что не всегда можно было разграничить «собственность осужденного» и законные права на это же имущество со стороны иных лиц (супруга, родственников и т.д.), на которых это имущество нередко заранее оформлялось с целью вывести его из-под «конфискационного удара». Признавая справедливость такого рода оценок, не учитывалось то, что заявленная низкая эффективность конфискации имущества, скорее всего, была обусловлена недостатками правоприменительной практики, а не законодательного регулирования. В действительности же эффективность конфискации в период перед ее отменой, по оценкам специалистов, была все-таки выше, чем штрафа, которым она в итоге была заменена в санкциях статей Особенной части УК РФ. На этом основании можно согласиться с П.А. Скобликовым, утверждающим, что истинные причины исключения конфискации имущества из системы наказаний, предусмотренной УК РФ, вероятнее всего, лежат в политической сфере [10, с. 106-109].

В настоящее время российский уголовный закон допускает конфискацию имущества только в качестве иной меры уголовно-правового характера, ограничивая ее применение строго определенными случаями, указанными в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. Относительно преступлений коррупционной направленности, конфискация имущества может быть

применена с целью изъятия денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения данных преступлений (пп. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ), а также с целью изъятия денег, ценностей и иного имущества, в которые ранее перечисленные предметы были частично или полностью превращены или преобразованы (пп. «б» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). Имущество и иные материальные ценности, принадлежащие осужденному, происхождение которых не носит криминального характера, конфискованы быть не могут. Но даже в подобном «ограничительном» виде конфискация имущества, в силу прямого указания ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, распространяется только на пять случаев совершения коррупционных преступлений (ст.ст. 201¹, ч.ч. 5–8 ст. 204, 285, 285⁴, 290 УК РФ). Данный порядок существенно снижает карательный потенциал и эффективность конфискации в отношении коррупционеров, получивших незаконные вознаграждения и использовавших их в качестве источника формирования своего имущества. На этом основании в современной юридической литературе настойчиво предлагается вернуть конфискацию имущества в систему наказаний, закрепленную УК РФ, предусмотрев обязательное назначение конфискации имущества, в частности, в санкциях статей главы 30 УК РФ.

Так, по мнению Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина, конфискация имущества как мера наказания «будет являться той важнейшей составляющей всей системы противодействия коррупции, которая обеспечит неотвратимость имущественной ответственности коррупционеров» [4]. Соответственно, предлагается предусмотреть возможность конфискации имущества виновного не только в случаях, когда это имущество передается родственникам, бывшим супругам и т.д., и они знают о его преступном происхождении (как это предусмотрено действующим законодательством), а вне зависимости от осведомленности о действительном источнике его происхождения. Кроме этого, во избежание сокрытия имущества, подлежащего конфискации, предлагается расширить права следственных органов по наложению ареста на имущество коррупционеров, их банковские счета и т.д. [5, с. 7-8].

В пользу возвращения конфискации имущества в УК РФ является также и то обстоятельство, что ст.ст. 2 и 31 Конвенции ООН против коррупции 2003 года [2], а также ряд иных международно-правовых актов, устанавливающих антикоррупционные стандарты, признают за государствами право вводить меры по конфискации той части имущества лица, признанного виновным в совершении коррупционного преступления, в отношении которой данным лицом не доказан законный источник его происхождения.

Недопустимо считать одной из причин возвращения конфискации имущества в систему наказаний, как утверждают некоторые специалисты, нежелание и неспособность правоохранительных органов отделять имущество, нажитое преступным путем, от имущества,

нажитого по закону [6, с. 63].

Целесообразность применения конфискации имущества в качестве наказания к осужденным за коррупционные преступления в определенной степени прослеживается и с психологической точки зрения.

С.В. Максимов описывает поведение коррупционера моделью борьбы мотивов, иногда называемой «моделью весов» или моделью рискованного поведения [8, с. 89-92]. Ситуации, связанные с совершением коррупционного правонарушения, можно отнести к тем случаям, когда поведение человека в основе может рассматриваться как результат рационального выбора между возможными потерями и выгодами (И. Бентам, А. Фейербах). При этом оправданным будет обращение к математическим методам расчета так называемого риска при принятии решения, который описывается моделью со взаимосвязанными величинами размера угрожаемого наказания и необходимой частоты его применения.

Проведенные С.В. Максимовым расчеты показали, что злостный коррупционер, то есть чиновник, который всегда берет взятку, когда для этого есть возможность, будет в среднем иметь заметный выигрыш (в экономическом плане) от получения взятки, а наказание, как главный фактор рискованного поведения, останется для него фикцией.

Относительную «безопасность» коррупционного поведения косвенно подтверждают данные о небольшом числе лиц, реально привлеченных к ответственности за преступления коррупционной направленности, либерализм судей при назначении наказания чиновникам-коррупционерам и т.п.

Применение модели психологических весов в современных российских реалиях позволяет сделать вывод о том, что основными средствами борьбы с коррупцией должны стать снижение уровня доходности коррупционной деятельности и повышение интенсивности привлечения коррупционеров к юридической ответственности [8, с. 91].

При таком положении угроза применения конфискации имущества в качестве наказания за совершение коррупционного преступления для виновного может «склонить чашу весов» в сторону отказа от противоправного варианта поведения.

С учетом высокой степени общественной опасности преступлений коррупционной направленности карательный потенциал конфискации имущества, применяемой к лицам, совершившим указанные деяния, представляется вполне адекватным. Конфискация имущества, как вид наказания, воздействующий на сферу имущественных отношений осужденного, согласуется с корыстной мотивацией, лежащей в основе преступлений коррупционной направленности. В этой связи предложения о возвращении конфискации имущества в число видов наказания, назначаемых за преступления коррупционной направленности, заслуживают реализации как обеспечивающие необходимое при высоком

уровне коррупционной преступности усиление мер уголовно-правовой ответственности за данные деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят 13 июня 1996 г. (по состоянию на 20 мая 2022 г.). – М.: Эксмо, 2022. – 288 с.
2. Конвенция ООН против коррупции (г. Мерида, 2003 г.). Принята 31 октября 2003 г. Ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 8 марта 2006 г. №40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №12. – Ст.1231.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №50. – Ст. 4848.
4. Арест дома: интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина // Российская газета. – 2017. – 13 апреля.
5. Бастрыкин А. И. Правовые проблемы борьбы с коррупцией // Российский следователь. – 2017. – № 24. – С. 6–10.
6. Гулый А. А. Нужно ли России возобновление института общей конфискации имущества? // Юрист. – 2006. – № 4. – С. 62–63.
7. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев, Б. С. Утевский. – М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. – 466 с.
8. Максимов С. В. Коррупция и новая антикоррупционная политика России. – М.: ЮрИнфоР, 2014. – 224 с.
9. Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. – 136 с.
10. Скобликов П. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2021. – 272 с.
11. Уголовный кодекс РСФСР (с постатейными материалами). – М.: Юрид. лит., 1987. – 464 с.
12. Цветинович А. Л. Дополнительные наказания: функции, система, виды. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 191 с.
13. Энциклопедия уголовного права. Том 12. Иные меры уголовно-правового характера / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб.: СПб ГКА, 2009. – 460 с.

КРЫСИНА Н. Р., ЛОБАНОВА И. Г.

УЧАСТИЕ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ПРЕНИЯХ СТОРОН

Аннотация. На основе судебной практики анализируются типичные нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые в связи с участием адвоката-защитника в прениях сторон, которые влекут нарушение права подсудимого на защиту и получение квалифицированной юридической помощи.

Ключевые слова: судебное разбирательство, прения сторон, адвокат-защитник, право подсудимого на защиту.

KRYSINA N. R., LOBANOVA I. G.

PARTICIPATION OF THE DEFENSE LAWYER IN ORAL ARGUMENT

Abstract. Considering the court practice, typical violations of the criminal procedure law committed in connection with the participation of the defense lawyer in oral argument, which entail violation of the defendant's right to defense and qualified legal aid, are analyzed.

Keywords: court proceedings, oral argument, defense lawyer, defendant's right to legal defense.

Прения сторон – один из важнейших этапов судебного разбирательства по уголовным делам. В рамках прений стороны обвинения и защиты на основе анализа исследованных доказательств выдвигают доводы и аргументы в обоснование своей позиции по уголовному делу о виновности или невиновности подсудимого, о квалификации деяния, о назначении наказания виновному и др. В судебных прениях наиболее наглядно проявляется состязательность уголовного процесса, как один из его ключевых принципов.

В соответствии с ч.ч. 1 и 2 ст. 292 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон выступает сам подсудимый. В прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представитель. Гражданский истец, гражданский ответчик, их представители вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон.

Участие адвоката-защитника в прениях сторон является составной частью защитительной деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве. Адвокат-защитник обеспечивает право подсудимого на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи на данном этапе судебного разбирательства. При этом, анализ правоприменительной практики свидетельствует о многочисленных нарушениях права подсудимого на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи на этапе прений сторон, ряд из

которых связаны с участием адвоката-защитника на данном этапе судебного разбирательства.

Проанализируем отдельные нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые в связи с участием адвоката-защитника в прениях сторон, которые влекут нарушение права подсудимого на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи.

1. К первой группе следует отнести нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые судом, как субъектом, осуществляющим производство по уголовному делу. К таким нарушениям относятся:

– непредоставление судом адвокату-защитнику достаточного времени для подготовки к участию в прениях сторон, лишение адвоката-защитника права участвовать в прениях сторон. Например, Краснодарский краевой суд отменил в апелляционном порядке приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 06.12.2018 г. в отношении Д.Ю.Н., указав на допущенные судом первой инстанции существенные нарушения уголовно-процессуального закона, в том числе, непредоставление подсудимому и его защитнику достаточного времени для подготовки к прениям. Так, после исследования материалов уголовного дела и государственный обвинитель, и защитник с подсудимым неоднократно заявляли ходатайство об отложении дела слушанием для подготовки к судебным прениям, которое судом первой инстанции было немотивированно отклонено. После объявления судебных прений защитник и подсудимый вновь заявили ходатайство о предоставлении им времени для подготовки к прениям, однако суд также отказал в удовлетворении ходатайства, после чего указав, что защитник и подсудимый отказываются от участия в судебных прениях, объявил, что судебные прения окончены. Таким образом, защитник и подсудимый были лишены права участвовать в судебных прениях в нарушение требований уголовно-процессуального закона об обеспечении обвиняемому (подсудимому) права на защиту, в том числе иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите [5].

– ограничение судом процессуальных прав адвоката, участвующего в прениях сторон. Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила в апелляционном порядке приговор Краснодарского краевого суда от 20.08.2019 г. в отношении Г.В.М., А.Н.П., О.В.А., Я.Е.Д., указав на допущенные судом первой инстанции существенные нарушения уголовно-процессуального закона, в том числе на установленные судом не основанные на законе ограничения для участия в судебных прениях защитников. Так, во время выступления в судебных прениях защитников Т. и К., когда они, давая оценку доказательствам по делу, заявляли о недопустимости протоколов допросов подозреваемых, председательствующий сначала неоднократно останавливал выступления защитников,

запрещая высказываться о недопустимости доказательств, а затем в нарушение закона лишил адвоката Т. права выступления в судебных прениях со ссылкой на то, что ранее судом принято решение о допустимости этих доказательств, а защитник неправильно интерпретирует имеющиеся доказательства, злоупотребляя своими правами. Как указал суд апелляционной инстанции, мотивы принятых судом первой инстанции решений не соответствуют закону и оснований для лишения защитника Т. права на выступление в судебных прениях не имелось, так как защитник вправе давать оценку всем исследованным доказательствам, в том числе и тем, в отношении которых судом принималось решение об отказе в признании их недопустимыми [6].

2. Ко второй группе следует отнести нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые самим адвокатом-защитником, участвующим в прениях сторон.

При этом необходимо отметить, что статус адвоката обуславливает необходимость соблюдения адвокатом-защитником профессиональных, в том числе, этических требований, установленных Федеральным законом от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [2], Кодексом профессиональной этики адвоката [3] и другими корпоративными актами адвокатуры.

К нарушениям уголовно-процессуального закона, допускаемым адвокатом защитником, участвующим в прениях сторон, относятся:

– отказ адвоката-защитника от участия в прениях сторон. Отказ адвоката-защитника от участия в прениях сторон является вариантом отказа от принятой защиты подсудимого и, соответственно, нарушением права подсудимого на защиту. Запрет адвокату-защитнику уклоняться от участия в прениях сторон предусмотрен также корпоративными актами адвокатуры – в соответствии с п. 15 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20.04.2017 г.: «Защитник не вправе уклоняться от участия в судебных прениях» [4].

При этом отказ адвоката-защитника от участия в прениях сторон на практике имеет различное выражение. Например, суд апелляционной инстанции признал отказом адвоката-защитника от выступления в прениях сторон ситуацию, когда при производстве в суде первой инстанции после прений сторон было возобновлено судебное следствие и по его окончанию вновь открыты прения сторон, но государственный обвинитель и адвокат-защитник лишь поддержали ранее сказанное в предыдущих прениях, не выступив с речью заново [7].

– адвокат-защитник, выступая в прениях, занял позицию, противоречащую интересам подзащитного. Адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда убежден в наличии самоговора доверителя (подп. 3 п. 4 ст. 6

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Однако, несмотря на этот запрет, установленный как уголовно-процессуальным законом, так и законодательством об адвокатской деятельности, на практике нередки примеры его нарушения. Например, суд кассационной инстанции признал нарушение права подсудимого О. на защиту при следующих обстоятельствах: подсудимый О. вину в совершении инкриминируемого преступления не признал, однако его адвокат-защитник М. в судебных прениях указал на признание подзащитным вины в совершении преступления и просил назначить минимальное наказание, таким образом, занял по делу позицию, которая противоречила интересам подзащитного [8].

– адвокат-защитник выступил в прениях сторон с речью формально. Участие адвоката-защитника в прениях сторон, будучи его профессиональной обязанностью, должно реализовываться адвокатом добросовестно. Однако на практике продолжают оставаться актуальными случаи недобросовестного подхода адвокатов к содержанию защитительной речи в прениях сторон. В научной литературе обращается внимание на исключительно формальный подход некоторых адвокатов к произнесению речей в прениях, которые ограничиваются буквально одним предложением [9, с. 24]. На практике суды по-разному подходят к оценке формального выступления адвоката-защитника в прениях: суды оценивают такое поведение адвоката-защитника как нарушение права подсудимого на защиту, либо наоборот, считают достаточным выступление адвоката-защитника с краткой речью. Например, суд апелляционной инстанции при рассмотрении материала об отмене в отношении осужденного С. условного осуждения произвел замену адвоката-защитника по причине нарушения им права осужденного на защиту, так как адвокат-защитник Б., выступая в судебных прениях, произнес только то, что он поддерживает апелляционную жалобу осужденного С. и добавить ему к сказанному осужденным в судебном заседании нечего. На замечание председательствующего о том, что участие адвоката в суде предполагает не только заявление о поддержании написанной самим осужденным жалобы, но и устное выступление в прениях с приведением правовых аргументов защиты, адвокат-защитник Б. не отреагировал, на предложение суда объявить перерыв для его подготовки к прениям ответил отказом, заявив, что осужденный сам всё сказал и повторять его слова он не считает нужным [10]. В других случаях, суды считают достаточным выступление адвоката-защитника с краткой речью [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (в ред. от 18 июля 2022 г.) [Электронный ресурс]. –

- Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.). [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
 3. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (в ред. от 15 апреля 2021 г.). [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
 4. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве: принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
 5. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 04.04.2019 г. по делу №22-2116/19. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
 6. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2020 г. по делу №18-АПУ19-29. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
 7. Апелляционное постановление Тюменского областного суда от 23.04.2020 г. по делу №22-724/2020. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
 8. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2021 г. по делу №77-2982/2021. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
 9. Калинкина Л. Д. Размышления по поводу речи адвоката в одно предложение // Адвокатская практика. – 2019. – № 1. – С. 23–27.
 10. Апелляционное постановление Костромского областного суда от 28.02.2019 г. по делу №28-317/2019. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).
 11. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.06.2016 г. по делу №4-АПУ16-33СП. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2022).

НЕСТЕРОВА Т. И., НЕЧАЕВ А. Д.

АНАЛОГИЯ ЗАКОНА В ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается один из основных способов преодоления пробелов в нормах о договорах – аналогия закона. Анализируется судебная практика применения аналогии закона в договорных правоотношениях, рассматривается соотношение аналогии закона с принципом свободы договора.

Ключевые слова: аналогия закона, аналогия права, принцип свободы договора, пробел в праве, преодоление пробелов в нормах договорного права.

NESTEROVA T. I., NECHAEV A. D.

ANALOGY OF LAW IN CONTRACTUAL RELATIONSHIPS

Abstract. The article discusses the analogy of law as one of the main ways to overcome legal gaps in the norms of contract law. The judicial practice of the analogy of law in contractual legal relationships is analyzed. The correlation of the analogy of law with the principle of freedom of the contract is considered.

Keywords: analogy of law, legal analogy, principle of freedom of contract, legal gap, overcoming gaps in norms of contract law.

Договор является одним из наиболее часто встречающихся оснований возникновения гражданских правоотношений. Нормы договорного права постоянно изменяются и дополняются, но, несмотря на это, они не всегда соответствуют потребностям современного гражданского оборота, поэтому в процессе правового регулирования договорных отношений могут обнаруживаться пробелы.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 25 июня 2019 года №1557-О [2] указал, что применение аналогии обусловлено необходимостью преодоления пробелов в правовом регулировании тех или иных отношений; применение аналогии должно быть направлено на защиту прав и законных интересов граждан, а также надлежащее осуществление правосудия.

Высказываются мнения, что аналогию права и аналогию закона следует рассматривать не только как меру реагирования государства на потенциальное возникновение пробелов в праве, но и как гарантию того, что любой возникший спор будет решаться с опорой на действующее законодательство, то есть граждане могут реализовывать свои права, не опасаясь «правового вакуума» [3, с. 136].

Аналогия закона представляет собой возможность преодоления пробела в праве путем применения нормы, которая регулирует сходные общественные отношения (сходный

случай). Аналогия права преодолевает возникшие пробелы не путем применения схожих норм, а посредством применения общих принципов и смысла права. Для гражданского права такими принципами выступают разумность, добросовестность и справедливость.

Устанавливая возможность применения аналогии закона и аналогии права, законодатель в п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) указывает, что аналогия права может применяться лишь в случае, если невозможно применить аналогию закона, то есть создает иерархию среди этих способов преодоления пробелов.

Говоря об аналогии права в договорных правоотношениях, нужно отметить, что это достаточно редкое явление. Р.С. Бевзенко указывал, что и вовсе не обнаружил случаев, когда суды задействовали аналогию права при восполнении пробелов в гражданском законодательстве [4, с. 48].

Гражданское законодательство в п. 1 ст. 6 ГК РФ устанавливает критерии, при соблюдении которых возможно применение аналогии закона:

1) имеется пробел в праве, то есть определенные отношения не урегулированы законодательством, договором или обычаем. При этом стоит обратить внимание, что под «законодательством» необходимо понимать не только Гражданский кодекс и принятые в соответствии с ним законы, но и указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и акты федеральных органов исполнительной власти. В то же время можно встретить и точку зрения, согласно которой при применении аналогии права и закона под «законодательством» понимаются только федеральные законы [5, с. 115]. Такая позиция правильна с точки зрения понимания объема понятия «законодательство», но она ограничивает сферу действия подзаконных актов;

2) имеются законодательно урегулированные сходные общественные отношения;

3) применение аналогичного закона к отношениям, в которых возник пробел, не должно противоречить их существу.

Аналогией закона не является применение норм другого договора на основании отсылочной нормы. Например, ст. 783 ГК РФ прямо указывает, что к договору возмездного оказания услуг применяются нормы договора подряда и бытового подряда в части, не противоречащей нормам договора оказания услуг. Законодатель в данном случае прямо устанавливает правовое регулирование, вводя отсылочную норму. Как отмечал М.И. Брагинский, аналогия закона отличается от отсылочной нормы тем, что в первом случае схожие отношения определяют стороны или суд при возникновении спора, а во втором – законодатель. Это имеет определяющее значение в вертикальной иерархии норм [6, с. 848].

В качестве примера применения норм об аналогии закона можно привести

постановление Арбитражного суда Уральского федерального округа от 2 августа 2019 г. №Ф09-4679/19 по делу №А76-19512/2018, в котором суд указал, что к договорам аренды нежилых помещений по аналогии могут быть применены нормы о договоре аренды зданий и сооружений [7].

В постановлении Арбитражного суда Поволжского федерального округа от 19 мая 2014 г. №Ф06-5687/13 по делу №А57-23677/2012 суд указал, что ст. 522 ГК РФ подлежит применению по аналогии к отношениям, вытекающим из договора процентного займа [8].

Анализ судебной практики позволил прийти к выводу о наличии постановлений, в которых суды ошибочно применяют нормы об аналогии закона. В качестве примера можно привести Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 17 апреля 2019 г. по делу №33-2644/2019 [9].

14.06.2018 г. Лабынцева Н. А. заключила с банком договор кредитования, по договору банк открыл счет и выдал кредитную карту, которой она не пользовалась и не активировала. 15.06.2018 г. Лабынцева Н. А. написала заявление о расторжении кредитного договора. 16.06.2018 г. в ответ на заявление ей предложили написать письмо на полное досрочное погашение кредита и оплатить сумму процентов, начисленных на данный момент. 16.07.2018 г. Лабынцевой Н. А. пришло требование погасить задолженность в виде процентов за пользование кредитом. С требованием банка она не согласилась и обратилась в суд с иском о расторжении кредитного договора.

В обоснование своей позиции истец ссылаясь на следующее: она отказалась от использования денежных средств по кредитному договору на следующий день после их получения. На текущий момент денежные средства хранятся на банковском счете. Истец считает, что поскольку она не воспользовалась кредитной картой, то и обязательств перед ответчиком не возникло.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований, указывая на отсутствие доказательств нарушения Банком условий договора. Истец не воспользовался правом на полное досрочное погашение кредита.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам: в судебном заседании первой инстанции истец указал, что кредитной картой не пользовалась, заявила об отказе от получения кредита в тот же день. Закон о защите прав потребителей в ст. 32 устанавливает, что потребитель имеет право отказаться от исполнения договора без каких-либо санкций. Названная норма подлежит применению к правоотношениям сторон кредитного договора по аналогии в силу ст. 6 ГК РФ. Ответчик в нарушение требований закона не предоставил доказательств того, что довел до истца полную информацию, в том числе информацию об отказе от договора. Ссылка банка на п. 1 ст. 450 ГК РФ несостоятельна, поскольку право на

отказ было предусмотрено в Законе о защите прав потребителей. При таких обстоятельствах суд, руководствуясь ст. 15, п. 3 ст. 451, п. 2, п. 5 ст. 453 ГК РФ, в связи с неправильным определением обстоятельств, имеющих значение для дела, и неправильным применением норм материального права, удовлетворил апелляционную жалобу.

На наш взгляд, применение Закона о защите прав потребителей в данном деле обусловлено не аналогией закона, а прямым указанием в преамбуле закона на то, что он регулирует отношения, где одной из сторон является потребитель. Закон о защите прав потребителей не содержит специальных норм об отказе от кредитного договора, но это не отменяет возможность его применения к данным отношениям; применять нормы Закона о защите прав потребителей к данным отношениям допустимо, если только специальной нормой ГК РФ или Федерального закона «О потребительском кредите» не предусмотрено иное. Более того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 №17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [10] в п. 3 указано, что под «финансовой услугой», на предоставление которой данный Закон распространяется, следует понимать услугу, оказываемую физическому лицу в связи с предоставлением, привлечением и (или) размещением денежных средств и их эквивалентов, выступающих в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (предоставление кредитов (займов), открытие и ведение текущих и иных банковских счетов, привлечение банковских вкладов (депозитов), обслуживание банковских карт, ломбардные операции и т.п.

Рассматривая аналогию права и аналогию закона, важно соотнести аналогию с таким принципом гражданского права, как принцип свободы договора. Пункт 2 ст. 421 ГК РФ устанавливает, что стороны могут заключать договоры, которые не предусмотрены законом и иными актами, то есть непоименованные договоры, но это не исключает применение к таким договорам закона по аналогии. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ №16 «О свободе договора» [11] указывается, что применять нормы по аналогии к непоименованным договорам возможно в случае сходства отношений и отсутствия их прямого урегулирования соглашением сторон. Важно отметить, что применение по аналогии императивных норм иных договоров возможно в случае, если это необходимо для защиты слабой стороны. На наш взгляд, данное ограничение принципа свободы договора необходимо, в противном случае это могло бы привести к злоупотреблениям и выразиться в господстве одной стороны договора над другой.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: 1) аналогия закона, как и аналогия права, являются одним из инструментов преодоления пробелов в праве, который обеспечивает отсутствие «правового вакуума» при регулировании общественных

отношений; 2) при применении аналогии закона и аналогии права предусмотрена иерархия: сначала будет применяться аналогия закона и только при невозможности ее применения будет применяться аналогия права; 3) для применения аналогии закона необходима совокупность факторов: наличие пробела в праве; урегулированность сходных отношений в законе; применение нормы по аналогии не будет противоречить существованию отношений, в которых возник пробел; 4) применение аналогии носит субъективный характер, то есть аналогия применяется по усмотрению сторон или суда, поэтому отсылочная норма не будет являться примером применения аналогии закона; 5) применение аналогии ограничивает принцип свободы договора лишь для защиты слабой стороны договора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 29 декабря 2021 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.09.2022).
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. №1577-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Архипова Геннадия Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 6, пункта 1 статьи 209, статей 210, 309, 310 Гражданского кодекса Российской Федерации, статей 7, 26, 153 Жилищного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/72290638/paragraph/1:3> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Некоторые вопросы применения гражданского законодательства по аналогии [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. – 2014. – №1 (23). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-primeneniya-grazhdanskogo-zakonodatelstva-po-analogii> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / А. Б. Бабаев, Р. С. Бевзенко, В. А. Белов, Ю. А. Тарасенко. – М.: Юрайт, 2010. – 1161 с.
5. Гражданское право: в 4 т. Том 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 720 с.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. – 4-е изд. – М.: Статут, 2020. – 847 с.
7. Постановление Арбитражного суда Уральского федерального округа от 2 августа 2019 г. №Ф09-4679/19 по делу №А76-19512/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38699724/> (дата обращения:

10.09.2022).

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского федерального округа от 19 мая 2014 г. №Ф06-5687/13 по делу №А57-23677/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/39180135/paragraph/38:0> (дата обращения: 10.09.2022).

9. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 17 апреля 2019 г. по делу №33-2644/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/309352893/> (дата обращения: 10.09.2022).

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. №17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70194860/> (дата обращения: 10.09.2022).

11. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. №16 «О свободе договора и ее пределах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70628260/> (дата обращения: 10.09.2022).

БУХЛИН И. Е., БИРЯЕВА А. В.
ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДАШКОВ И ЕГО РОЛЬ
В РАЗВИТИИ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ РОССИИ

Аннотация. От возникновения государственности на территории Древней Руси, когда появились первые органы власти и управления, судебные учреждения, и до современности прошло множество событий, под влиянием которых органы юстиции России перестраивались применительно к конкретным историческим условиям существования Российского государства в различные периоды. Значительную роль в становлении и развитии отечественных органов юстиции сыграл Д. В. Дашков – выдающийся государственный деятель, литератор, один из основателей института адвокатуры и системы юридического образования России.

Ключевые слова: Д. В. Дашков, Российская империя, министерство юстиции, генерал-прокурор, коллегия иностранных дел, Николай I.

BUKHLIN I. E., BIRYAEVA A. V.
DMITRY VASILIEVICH DASHKOV AND HIS ROLE
IN THE DEVELOPMENT OF JUSTICE BODIES OF RUSSIA

Abstract. From the emergence of statehood in the territory of Ancient Russia, when the first authorities and administrations, judicial institutions appeared, and up to the present, many events have passed, under the influence of which the justice bodies of Russia were restructured in relation to the specific historical conditions for the existence of the Russian state in different periods. A significant role in the formation and development of domestic justice bodies was played by D.V. Dashkov who was an outstanding statesman, writer, one of the founders of the institute of advocacy and the system of legal education in Russia.

Keywords: D.V. Dashkov, Russian empire, ministry of justice, prosecutor general, board of foreign affairs, Nicholas I.

Дмитрий Васильевич Дашков родился 25 декабря 1788 г. в Москве, принадлежал к древнему, но небогатому и незнатному роду. Он родился в период царствования Екатерины II, который рассматривают как эпоху просвещенного абсолютизма. Образование молодой Дашков получил в Московском университетском благородном пансионе, где он учился вместе с В. А. Жуковским и братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми. В 1801 г. поступил юнкером в Коллегию иностранных дел и служил в данном учреждении девять лет. В это время Дашков получает определенную известность благодаря успехам на литературном поприще, в основном как блестящий переводчик с французского, и его заметил генерал-прокурор

Российской империи И. И. Дмитриев. Получив в январе 1810 г. чин коллежского асессора, Дашков вышел в отставку, но уже в марте И. И. Дмитриев берет его в свое ведомство.

Д. В. Дашков быстро вошел в число лучших сотрудников министерства, получил чин надворного советника, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (3 июня 1815 г.).

В середине 1810-х гг. Дашков заслуженно пользовался репутацией лучшего литератора столицы и блестящего полемиста. Вместе с В. А. Жуковским и Д.Н. Блудовым он основал литературное общество «Арзамас», членами которого были многие известные поэты и писатели того времени – молодой А. С. Пушкин, А. И. Тургенев, К. А. Батюшков. Впоследствии на литературном поприще Дашкову также сопутствовал заслуженный успех.

Как мы видим, Д. В. Дашков, помимо того, что был видным государственным деятелем своей эпохи, также был творчески развит, что, очевидно, влияло на его личность, придавая ему определенные романтические черты, но одновременно воспитывая в нем любовь к Родине и служение Отечеству.

27 сентября 1816 г. Дашков вернулся в Коллегию иностранных дел, где получил чин статского советника и был прикреплен к русской миссии в Константинополе (стал вторым советником русского посольства в турецкой столице). В Константинополе Д. В. Дашкову пришлось принять участие в трагических событиях, связанных с греко-турецкими войнами. В них он проявил не только свои неординарные дипломатические способности, но и личное мужество. Он сумел спасти от верной смерти многие греческие семейства.

В турецкой столице Д. В. Дашков по поручению вышестоящего руководства занимался приведением в порядок дел русских миссий и консульств на Ближнем Востоке, предпринял познавательное путешествие по Греции. Он освоил греческий язык, а также разыскивал в православных греческих монастырях древние рукописи. Работал он с увлечением, и результатом его пребывания за границей стал ряд научных исследований и стихотворных переводов произведений греческой поэзии.

К рассматриваемому периоду относится и работа Дашкова в Комитете по составлению законов, где он готовил к изданию дипломатические документы об отношениях России со странами Западной Европы. Д. В. Дашков был также одним из авторов «Органического регламента» Молдавии и Валахии (1829 г.), первого конституционного акта в Дунайских княжествах. Благодаря тому, что Д.В. Дашков обладал хорошими навыками письменного изложения своих мыслей, он обратил на себя внимание императора Николая I. При помощи своего друга Д. Н. Блудова в конце 1826 г. Дашков был пожалован в статс-секретари и назначен товарищем министра внутренних дел. Затем, 26 марта 1829 г. Дашков назначается товарищем министра юстиции и получает чин тайного советника, а 20 сентября этого же года вступает в управление министерством. В феврале 1832 г. Николай I утвердил Дашкова в

должности министра юстиции и генерал-прокурора.

Д. В. Дашков обладал твердым характером и когда, заняв новые высокие должности, он столкнулся с целым рядом проблем, которые мешали развить ему свои административные дарования, то не смог смириться с подобным положением. Уже в 1830 г. высший надзор доводил до сведения Николая I, что «Дашков обладает всеми качествами ума и сердца, необходимыми для того, чтобы стать прекрасным министром... Он жалуется на невозможность сделать все, что хотел бы, за полным неимением сотрудников. Канцелярии министра и сената полны взяточников и людей неспособных, и министр вынужден сам рассматривать всякое сколько-нибудь важное дело... Дашков жалуется на то, что он бессилён уничтожить все это лихоимство, не будучи в состоянии уследить за всем лично и не имея возможности положиться на прокуроров, которые все закрывают на это глаза. Что касается общего хода дел, то лихоимство и применение ложных принципов внесли в него такую путаницу и воздвигли на его пути столько препятствий, что необходимо его преобразовать на новых началах». Как видно из этого доклада, взяточничество и лихоимство поразили самые высшие уровни власти и управления Российского государства, что мешало проводить необходимые демократические преобразования, и это являлось существенной проблемой для Дашкова как государственного деятеля.

Дмитрий Васильевич стремился быть непреклонным хранителем законности и правопорядка. «Проницательный ум, познание дела, праводушие и твердый, сильный характер составляли редкое сочетание в одном человеке», – писал о нем Бенкендорф. Однако все реформаторские начинания Дашкова, например, введение адвокатуры при судах, не находили поддержки и понимания ни в правительственных кругах, ни в подведомственных ему учреждениях, главным образом, потому, что реформы требовали отмены крепостного права, признания всех подданных Российской империи равными и независимыми от их сословной принадлежности. В результате преобразования коснулись, в основном, сферы делопроизводства. Отмечая улучшение общего хода дел в Сенате, высший надзор постоянно фиксировал внимание монарха на положении судной части в губерниях и уездах: «под прикрытием законных форм совершаются в них дела самые незаконные, и деньги составляют главную пружину их действий»; «лихоимство не прекращается и, ограждаясь формами закона, укрывается от должного наказания»; «дела большею частью оканчиваются в пользу того, кто более может заплатить за успех» [2].

Таким образом, почти все благие пожелания Дашкова оставались на бумаге. Однако уже при Александре II крепостное право было отменено, была проведена Судебная реформа 1864 года, в рамках которой получили воплощение многие идеи Д. В. Дашкова.

При Д. В. Дашкове была завершена работа по составлению Свода законов Российской

империи, была приведена в систему огромная база нормативно-правового материала различных периодов, порой неизвестного и самим правоприменителям.

5 декабря 1835 г. в Петербурге произошло одно памятное событие. В этот день было торжественно открыто Императорское училище правоведения, которое дало России многих выдающихся юристов, ставших гордостью русского суда, прокуратуры и адвокатуры. Училище было открыто под непосредственным началом и при протектировании Дмитрия Дашкова, на тот момент – министра юстиции и генерал-прокурора. Из стен училища вышли такие видные юристы, как Александр Булыгин, министр внутренних дел, Борис Мансуров, государственный деятель, и многие другие. Также под руководством Дашкова в 1831 году было образовано Центральное управление Министерства юстиции Российской империи.

Единственный упрек, который повторялся по отношению к министру юстиции Д. В. Дашкову из отчета в отчет, это обвинение его в «гордости и неприступности». «Никакого доступа к нему нет, и никто его видеть не может; даже обер-прокуроры Сената по несколько месяцев не могут до него добраться и, наконец, и самый директор департамента Министерства юстиции с трудом имеет к нему доступ».

Однако вряд ли этот упрек можно считать справедливым. Современник Дашкова, М. А. Дмитриев (племянник И. И. Дмитриева), в своих воспоминаниях дал ему такую характеристику: «Имея важную наружность от природы, он никогда не важничал, был разговорчив и охотно сообщал замечания светлого ума своего о предметах и важных и легких, но был тверд в своих мнениях: ибо мнения его были плодом зрелого убеждения». Все эти качества ценились не только друзьями, но и самим императором. Однажды, после вынесения Правительствующим сенатом оправдательного приговора лицам, обвинявшимся в совершении государственных преступлений, Дмитрий Васильевич, зная мнение императора (который этим приговором оказался крайне недоволен), пошел ему наперекор и потребовал оправдательного решения и в Государственном совете, куда самодержец перенес слушание дела, надеясь на иной его исход. Когда острота момента прошла, Николай I пригласил Дашкова к себе, и, как бы пытаясь снять возникшее напряжение между ними, сказал: «Ну, Дашков, мы с тобой поспорили, но я надеюсь, что это нашей дружбе не повредит» [1].

Вероятно, учитывая оценку Д. В. Дашкова высшим надзором и принимая во внимание «строгую справедливость и познания его в судебной части», Николай I доверил ему после отставки с министерского поста кресло председателя Департамента государственных законов и главноуправляющего II отделением, но на новом поприще Дашков проявить себя не успел. 26 ноября 1839 года он скоропостижно скончался от туберкулеза.

Проследив основные ключевые моменты биографии и деятельности Д.В. Дашкова, можно заключить следующее. Находясь на дипломатической службе, Дашков проявил не

только усердие чиновника, но и личный героизм при спасении греческих семей от османского преследования. Нельзя не отметить заслуги Дашкова и как литератора, но особое место в его жизни занимала юриспруденция, а также деятельность по развитию юридической практики, подготовке профессиональных юристов. Под его руководством было открыто Императорское училище правоведения. Дмитрий Васильевич последовательно отстаивал идеи законности, при нем завершилась важная работа по кодификации законодательства.

Вклад Д. В. Дашкова в развитие юриспруденции и органов юстиции Российского государства огромен, он охватывает многие сферы: от организации обучения квалифицированных юристов до борьбы с лихоимством. Благодаря энергии и упорству Дашкова, в органах юстиции России началось улучшение общего хода дел, также он начал готовить реформы, предусматривающие введение института адвокатуры. Несмотря на то, что соответствующие предложения Дашкова первоначально не получили практической реализации, они легли в основу Судебной реформы 1864 года, которая провозгласила буржуазные принципы судостроительства и судопроизводства: независимость и отделение суда от администрации; создание всесословного суда; равенство всех перед судом; введение института присяжных заседателей; укрепление прокурорского надзора; создание более четкой системы судебных инстанций; появление института адвокатуры и нотариата [3].

Дмитрий Васильевич Дашков заложил традиции строгого соблюдения в деятельности отечественных органов юстиции принципа законности, необходимость укрепления которого не теряет своей актуальности и сегодня. Его можно назвать одним из создателей российского института адвокатуры, без которого сегодня немыслимо осуществление правосудия. При его непосредственном участии были заложены основы подготовки квалифицированных юристов, что представляется важным для развития не только органов юстиции, но и для всей страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звягинцев А. Г. История Российской прокуратуры, 1722-2012: [краткое изложение истории прокуратуры в лицах, событиях, документах]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 414 с.
2. Цечоев В. К. История органов и учреждений юстиции России: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 421 с.
3. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общей ред. О. И. Чистякова. Том 8. Судебная реформа / отв. ред. Б. В. Виленский. – М.: Юрид. лит., 1991. – 496 с.

ЧИКИН В. З., ЧЕБУРЕНКОВ А. А.

**МЕХАНИЗМ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Аннотация. При разработке уголовно-правовой, криминологической, криминалистической характеристик дорожно-транспортного преступления важное значение приобретает анализ механизма совершения данного деяния. В этой связи авторы рассматривают понятие и структуру механизма дорожно-транспортного преступления, содержание образующих его элементов, закономерности их взаимодействия. Особое внимание уделено специфике отражения рассматриваемого механизма в уголовно-правовых нормах и практике их применения.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, механизм преступления, транспортное средство, водитель, элементы механизма преступления, стадии дорожно-транспортного преступления.

CHIKIN V. Z., CHEBURENKOV A. A.

MECHANISM OF ROAD TRAFFIC CRIME AND ITS CRIMINAL SIGNIFICANCE

Abstract. When elaborating on the criminal, criminological, criminalistic characteristics of a road traffic crime, the analysis of the mechanism for committing this act is of great importance. In this regard, the authors consider the concept and structure of the mechanism of a road traffic crime, the contents of its constituent elements, and the conformities of their interaction. Particular attention is given to the specifics of the reflection of the mechanism under consideration in the criminal law and the practice of its application.

Keywords: road traffic crime, crime mechanism, vehicle, driver, elements of the crime mechanism, stages of a traffic crime.

Категорию «механизм преступления» в современной юриспруденции можно признать междисциплинарной: она изучается в различных юридических науках – криминологии, уголовном праве, криминалистике и т.д.; каждая из наук тем самым вносит свой вклад в понимание сущности, содержания и особенностей такого сложного социального феномена, каким является преступление; результаты отдельных исследований механизма преступления взаимно обогащают, дополняют друг друга.

Каждая конкретная юридическая наука изучает механизм преступления в аспекте более точного и глубокого понимания собственного предмета, используя комплекс приемов познания, составляющих методологическую основу соответствующей науки, решая с учетом полученных результатов стоящие перед ней теоретические и прикладные задачи.

К числу преступлений, механизм совершения которых представляет особый интерес, относятся дорожно-транспортные преступления (далее – ДТП). Это обусловлено распространенностью данных деяний в условиях всё возрастающей автомобилизации населения; сложным переплетением в процессе их совершения элементов технического, информационного, ситуационного характера; особой ролью субъекта данных преступлений с присущими ему личностными свойствами и т.д. Изучение механизма ДТП позволяет на подлинно научной основе подходить к решению задачи предупреждения аварийности на дорогах, поскольку способствует наиболее полному выявлению комплекса факторов, детерминирующих данный вид преступных деяний. Наряду с этим, изучая механизм ДТП, возможно выявить имеющиеся дефекты содержания конкретных уголовно-правовых норм, например, в части описания действий, образующих объективную сторону состава нарушения правил безопасности дорожного движения.

Нельзя сказать, что механизм ДТП недостаточно изучен в науке уголовного права и смежных с ним отраслях научного знания. Вопросам познания механизма ДТП, определению его структуры, анализу содержания, выявлению закономерностей взаимодействия образующих этот механизм элементов и пр. посвящено значительное число исследований (работы В. В. Лукьянова, А. И. Чучаева, Н. Н. Белокобыльского, А. П. Онучина и других ученых). Вместе с тем однозначных выводов в результате проведенных исследований достигнуть не удалось, а главное, до настоящего времени юридические науки не смогли предложить действительно эффективные рекомендации, способствующие существенному снижению аварийности на дорогах нашей страны. Такое состояние дел в сфере борьбы с ДТП не случайно: оно выступает следствием сложности изучаемых проблем, ярко выраженного ситуационного характера ДТП, ведущей ролью личностного фактора в механизме ДТП и др.

В криминологии механизм преступления (преступного поведения) обычно рассматривается с позиции выявления и изучения различных факторов объективного (внешнего) и субъективного (личностного) характера, детерминирующих решение лица совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение (В.Н. Кудрявцев). Схожий подход к пониманию механизма преступления преобладает и в науке уголовного права, при этом приоритет отдается анализу связей и взаимозависимостей факторов (обстоятельств), имеющих юридическое (уголовно-правовое) значение, а также их отражению в законодательной модели ДТП.

В самом общем виде механизм ДТП в уголовно-правовом аспекте можно определить как воздействие противоправного деяния на состояние безопасности дорожного движения, повлекшее конкретные вредные последствия.

Общепринятое понимание механизма преступления применительно к ДТП как неосторожному деянию нередко дополняется указанием на принятие ошибочного решения, суть которого состоит в неверной оценке (отсутствии предвидения) реально грозящих вредных последствий со стороны виновника ДТП. Однако, как верно отмечают Н. Н. Белокобыльский и А. И. Чучаев, недопустимо сводить процесс совершения неосторожного преступления (в том числе транспортного) «к неправильно принятому решению либо к недостаткам его исполнения» [2, с. 13]. Для транспортных преступлений особое значение приобретают индивидуальные психологические особенности водителя, недостатки его личностных свойств (качеств), профессиональные упущения. Так, механизм ДТП, совершенного водителем, находящимся в крайне утомленном, болезненном состоянии, никак не связан ни с принятием этим водителем решения, ни с его исполнением.

Н. Н. Белокобыльский и А. И. Чучаев выделяют следующие элементы функционирования транспорта, которые в итоге включаются авторами в структуру механизма неосторожного транспортного преступления: техническая система, информационное обеспечение, ситуация и управляющий субъект [2, с. 17]. Представляется, что данные элементы должны входить и в механизм ДТП. Содержание и особенности каждого из перечисленных элементов имеют непосредственное отношение к юридической квалификации поведения виновного и индивидуализации применяемых к нему мер ответственности. Рассмотрим содержание указанных элементов и проследим их выражение в уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за совершение ДТП (прежде всего, это ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Транспортная система представлена в ДТП определенными видами транспортных средств. В юридической литературе при определении предмета ДТП отмечаются определенные сложности в решении данного вопроса. Они объективно обусловлены использованием человеком для своих нужд самых разнообразных видов транспорта; отсутствием межотраслевого понятия «транспортное средство»; разнообразием законодательных конструкций конкретных уголовно-правовых норм, в которых признаком состава выступают различные критерии оценки транспортных средств [5, с. 88].

От того, насколько четко определяется понятие транспортного средства в законе (подзаконных актах), исчерпывающе закреплены его признаки, зависят границы действия норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за ДТП.

Информационная система обеспечивает должное взаимодействие управляющего субъекта (водителя) с транспортным средством. Для движения в безопасном режиме необходимо регулярно получать достаточную и достоверную информацию о состоянии самого транспортного средства, об устройствах, с помощью которых это средство

управляется, об окружающей дорожной обстановке и др. На основании полученной информации водитель принимает решение об эксплуатации конкретного транспортного средства, о начале движения, маневрировании, выбирает маршрут передвижения, его параметры и т.д. Дефекты информационной системы, как правило, приводят к невозможности безопасного функционирования транспортного средства, несмотря на его работоспособность. Важность изучения дефектов информационной системы обусловлена тем, что последние выступают в качестве типичных детерминант аварийности в сфере дорожного движения, например, когда водитель не заметил сигналов, неправильно их оценил, сделал неверные выводы из полученной информации и т.д.

В системе «человек – автомобиль – дорога», являющейся базовой в сфере дорожного движения, безусловно, ведущим звеном является человек – лицо, управляющее транспортным средством (водитель). От поведения данного лица зависит в конечном счете безопасность движения транспорта. Даже с увеличением роли автоматизированных устройств управления транспортными средствами роль водителя не снижается, наоборот, к нему предъявляются более высокие требования: необходимость постоянного совершенствования технических знаний, навыков и умений; устойчивость к стрессам и перегрузкам; быстрота реакции в критических ситуациях и др.

В качестве субъекта ДТП выступает лицо, сознательно принявшее на себя функции управления конкретным транспортным средством. Уголовный закон предъявляет к такому лицу не только те требования, которым должен соответствовать общий субъект преступления, но и предполагает, что это лицо должно фактически управлять транспортным средством. Именно на данное лицо возлагается обязанность принимать необходимые меры по обеспечению безопасности дорожного движения, участником которого оно является.

Для анализа механизма ДТП важны не юридические, а личностные характеристики субъекта, поведение которого привело к аварии. С этой целью выделяются и изучаются несколько групп свойств водителя – участника ДТП: психофизиологические качества (здоровье, возраст, состояние и особенности органов чувств, прежде всего, зрения и слуха, сенсорная координация, особенности внимания, эмоциональная уравновешенность и др.); социальные качества (дисциплинированность, критичность к себе и к окружающим, подверженность внушению, устойчивость к конфликтным воздействиям и т.п.); профессиональные качества (опытность, осторожность, скорость реакции и др.). Специальными исследованиями установлено, что недостатки перечисленных свойств (качеств) личности субъектов, управляющих транспортными средствами, выступают на практике одним из основных условий, приводящих к ДТП.

Особое внимание закон уделяет юридической оценке факта нахождения лица,

управляющего транспортным средством, в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В подобном состоянии человек явно неспособен обеспечить требуемую степень безопасности управления транспортом (в силу ослабления психомоторных реакций, необоснованного повышения самоуверенности, стремления к лихачеству и т.п.), и закон запрещает ему в таких случаях управлять автомобилем. С учетом того, что данный запрет намеренно нарушается, вводится повышенная ответственность за совершение ДТП, если водитель находился в нетрезвом состоянии (ч.ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ).

Поведение лица, управляющего транспортным средством, признается преступным, только если оно находится под контролем его воли и сознания. Законодательная модель ответственности за ДТП (в частности, ст. 264 УК РФ) исходит из субъективного отношения этого лица к наступившим последствиям в форме неосторожности. Виновный может относиться к опасным последствиям легкомысленно (расчет на то, что, например, при управлении неисправным автомобилем ловкость, умение, быстрота реакции позволят ему избежать аварийной ситуации) или небрежно (непредвидение, что допускаемые нарушения, например, движение с превышением скорости, приведут к аварии). А. П. Онучин предлагает выделять не основанную на законе, но по сути верную специфическую для транспортных преступлений разновидность неосторожности – преступное невежество (виновный сознает, что для управления транспортным средством необходима специальная подготовка, навыки, которыми он не обладает, однако допускает в силу своего невежества, что это не мешает ему управлять автомобилем, и он сумеет это сделать). Невежество будет иметь место и в случаях неосведомленности водителя об изменениях, внесенных в Правила дорожного движения в порядке их совершенствования [4, с. 17]. Это довольно интересная позиция, но, к сожалению, она, в силу отсутствия соответствующего нормативного закрепления, может учитываться только в криминологическом аспекте.

На практике возможны ситуации, когда непосредственных участников движения на месте произошедшего ДТП оказывается несколько (водители разных автомобилей, пешеходы и др.), что требует решения вопроса о том, какую роль сыграл каждый из них в исследуемом событии, результатом одновременных или совместных действий разных лиц стало наступление вредных последствий. Разрешить данный вопрос помогает детальный анализ механизма конкретного ДТП.

Ситуация в механизме ДТП представлена совокупностью объективных обстоятельств, создающих определенную обстановку (положение), в которой оказывается лицо, нарушающее правила безопасности дорожного движения. Это место, время, погодные условия, дорожные условия, поведение участников дорожного движения и др.

Поскольку ДТП относятся к категории неосторожных преступлений, ситуация

совершения данных деяний отличается от ситуации умышленных преступлений, но не своим содержанием, а оценкой ее субъектом. Расследование ДТП показывает, что водитель, совершая ДТП, как правило, неправильно оценивает сложившуюся к определенному моменту ситуацию, оказывается не в состоянии вовремя ее изменить и принять адекватное решение.

Каждое ДТП совершается в условиях конкретной ситуации, но не обязательно детерминируется ею. Лицо, управляющее транспортным средством, может проигнорировать окружающую его обстановку либо поступить вопреки ей.

Категория «механизм преступления» приобретает особое значение для характеристики процесса развития ДТП во времени. Механизм преступления позволяет проследить временной и динамический порядок связи отдельных этапов, обстоятельств, факторов, проявляющихся в рамках ДТП. На этой основе возможно правильно и полно разобраться в деталях происшедшего события, выяснить ряд обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение (в частности, исследовать причинную связь между действиями виновного и наступившими вредными последствиями).

В литературе предложены различные схемы последовательности развития ДТП. Так, А.П. Онучин выделяет следующие основные стадии: 1) исходная стадия; 2) начальная стадия; 3) возникновение опасной дорожной ситуации; 4) ответное реагирование системы дорожного движения на опасность; 5) управляемая аварийная обстановка; 6) неуправляемая аварийная обстановка; 7) финальная стадия с прямыми и отклоненными финальными последствиями дорожного происшествия. Каждая из перечисленных стадий «составляет этап – событие, связанное с возникновением угрозы безопасности движения, развития опасности или механизмом ее реализации в финальном происшествии» [4, с. 25].

В приведенной последовательности развития ДТП можно выделить некоторые закономерности. Так, от стадии к стадии прослеживается постепенное усложнение дорожной обстановки, требующее от водителя усиления контроля за дорогой, более точного прогнозирования развития событий, определения вероятности возникновения опасности. Главное при этом – вовремя, еще на начальном этапе, заметить появление фактора, создающего угрозу безопасности дорожного движения (это могут быть, например, первые признаки неисправности транспортного средства, внезапное появление вблизи полосы движения автомобиля пешехода, намеревающегося пересечь дорогу, и др.), адекватно оценить его и принять необходимые и возможные меры к тому, чтобы устранить угрозу, не дать ей перерасти в реальную опасность.

Точное установление момента, с которого начинает сказываться воздействие конкретного фактора, создающего опасность для дорожного движения, важно, поскольку

именно с этого времени начинает действовать «механизм причинения», уменьшаются объективные возможности водителя влиять на ситуацию.

На перечисленных стадиях ДТП различаются возможности воздействия водителя на ситуацию и предотвращения им ДТП: с 1-й по 5-ю стадии такая возможность сохраняется, на 6-й и 7-й стадиях водитель практически лишен такой возможности. Действительно, оказавшись по своей или чужой вине в неуправляемой аварийной ситуации, водитель уже не может остановить или серьезно изменить механизм развития происшествия и характер наступающих последствий.

Анализ последних стадий конкретного ДТП, действий водителя на каждой из них чрезвычайно важен в плане решения вопроса о наличии признаков объективной стороны преступления, выражающегося в нарушении правил безопасности дорожного движения, а также вывода о виновности водителя в нарушении данных правил. Особое значение здесь приобретает обстоятельство, устанавливаемое, как правило, в ходе экспертного исследования, о наличии или отсутствии у водителя технической возможности предотвратить ДТП.

При всей многостадийности развития ДТП в реальности данные деяния являются скоротечными, их продолжительность (от появления опасного фактора до наступления аварийного момента), как правило, не превышает нескольких секунд [3, с. 183]. Такая временная непродолжительность зачастую препятствует водителю своевременно оценить конкретную ситуацию и адекватно отреагировать на нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят 13 июня 1996 г. (по состоянию на 20 мая 2022 г.). – М.: Эксмо, 2022. – 288 с.
2. Белокобыльский Н. Н., Чуцаев А. И. Механизм транспортного преступления. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 184 с.
3. Дорожно-транспортная преступность: закономерности, причины, социальный контроль / А. Ю. Кравцов, А. И. Сирохин, Р. В. Скоморохов, В. Н. Шиханов; под ред. В. В. Лунеева. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. – 474 с.
4. Онучин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 186 с.
5. Энциклопедия уголовного права. Том 24. Преступления против безопасности и эксплуатации транспорта / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб.: Издание проф. Малинина – МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2014. – 690 с.

ИНЯШЕВА К. А., МАСЛОВСКАЯ М. В.

**ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА**

Аннотация. В статье рассматриваются существующие в юридической литературе точки зрения относительно признания судебной практики в качестве источника отечественного права. Приводятся конкретные постановления Конституционного Суда РФ, способствующие как совершенствованию избирательного законодательства, так и развитию конституционных гарантий избирательных прав граждан.

Ключевые слова: избирательное право, избирательные споры, судебная практика, правовая позиция Конституционного Суда РФ.

INYASHEVA K. A., MASLOVSKAYA M. V.

**INFLUENCE OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN
FEDERATION ON THE DEVELOPMENT OF ELECTORAL LAW**

Abstract. The article examines the points of view existing in the legal literature regarding the recognition of judicial practice as sources of domestic law. Specific resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation are given, contributing both to the improvement of electoral legislation and to the development of constitutional guarantees of citizens' electoral rights.

Keywords: electoral law, electoral disputes, judicial practice, legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Судебное нормотворчество было предметом исследований ученых-правоведов еще в дореволюционной России, и уже в те времена вопрос о месте судебной практики в системе источников отечественного права приобрел дискуссионный характер. На протяжении целых десятилетий советская юридическая наука и правоприменительная практика безоговорочно отрицали судебную практику как источник права, не признавая за судом полномочия по созданию правовых норм. Но произошедшие в нашей стране в конце 80-х годов XX века огромные изменения, естественно, затронули и право, а вместе с тем и теоретические взгляды на систему источников права, в число которых, по мнению многих ведущих ученых того времени, объективно должна входить и судебная практика.

Мы согласимся с теми учеными, по мнению которых «времена, когда у нас господствовало понимание судебных решений исключительно как актов правоприменения, ушли в прошлое» [1, с. 133]. Развитие законодательства, а также научное обоснование необходимости его совершенствования, безусловно, должно опираться на правоприменительную практику. И на судебную практику, в том числе. Сегодня очевидна

всё более возрастающая роль судебного нормотворчества. Более того, представляется, что судебная практика и далее будет играть всё более важную роль. Это связано с тем, что развитие общественных отношений нередко столь стремительно, что законодательные органы просто не в силах объективно и оперативно отражать все тенденции и изменения в обществе, что ведет к отставанию нормативной правовой базы от реальных общественных отношений, а значит, оставляет данные отношения неурегулированными законодательно. Судебная практика и, в особенности, деятельность Конституционного Суда РФ, позволяет ликвидировать создавшийся правовой пробел.

Тем не менее, вопрос о том, является ли судебная практика источником права, и сегодня продолжает оставаться дискуссионным в научных кругах. Сохраняется полемика и относительно природы решений Конституционного Суда РФ. В юридической литературе диапазон мнений относительно указанных аспектов весьма широк. Мы не ставим перед собой задачу подробно рассмотреть аргументы каждой из существующих в научном сообществе позиций, поэтому ограничимся общими положениями.

Сторонники одной из точек зрения не рассматривают судебную практику в качестве источника права, делая акцент на том, что суды являются правоприменительными, а не правотворческими органами. Вторая точка зрения является полной противоположностью первой. Ее сторонники считают, что суды посредством принятия решений имеют возможность влиять на становление и развитие правовой системы России. Особая роль в данном процессе отводится Конституционному Суду РФ, который, как считает Н. С. Бондарь, может рассматриваться как квазиправотворческий орган. Ученый отмечает, что, хотя у Конституционного Суда РФ отсутствуют правотворческие функции в классическом их проявлении, между тем он «осуществляет деятельность по корректировке нормативной правовой среды». Именно этим определяется роль Конституционного Суда в нормативном пространстве государства и, в конечном счете, в правотворческом процессе [2, с. 77].

Уместно напомнить, что органы конституционной юстиции (и не только в нашей стране, но и в зарубежных государствах) традиционно рассматриваются в качестве «позитивного» или «негативного» законодателя.

Так, будучи в роли «негативного» законодателя, Конституционный Суд РФ, по словам В. А. Кряжкова, «выбраковывает дефектные правовые нормы из правовой системы» [3, с. 242]. Более того, по мнению А. Н. Кокотова, Конституционный Суд РФ своими нормативными велениями задает изменение имеющегося нормативного пространства, что позволяет говорить о правотворчестве данного органа конституционной юстиции [4, с. 21].

Выступая в качестве «позитивного» законодателя, Конституционный Суд РФ

оказывает важное влияние на законодательный процесс и качество законов. В результате принятых Конституционным Судом РФ решений нормативный акт или его отдельные нормы утрачивают силу, происходят изменения в нормативно-правовом массиве в целом, и соответственно в осуществлении прав, обязанностей и ответственности субъектов права, то есть оказывается праворегулирующее воздействие на общественные отношения [5, с. 32].

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержащиеся в его постановлениях и определениях, занимают особое место в правотворческой и правоприменительной деятельности и представляют собой особое толкование норм законодательства, разъясняющее их с точки зрения конституционного правосудия. По сути, имеющиеся в текущем законодательстве пробелы или дефекты заменяются правовыми позициями Конституционного Суда РФ, тем самым законы страны приводятся в соответствие с содержанием и смыслом Конституции России.

В контексте сказанного следует признать, что выработанные Конституционным Судом РФ правовые позиции при рассмотрении десятков запросов по вопросам избирательного права сыграли весомую роль в развитии избирательного законодательства.

Объясняется это, в первую очередь, тем, что, с одной стороны, решения Конституционного Суда РФ способствуют совершенствованию отдельных избирательных процедур и расширению гарантий обеспечения законности избирательного процесса путем устранения из правового оборота положений, не соответствующих Конституции Российской Федерации. С другой стороны, оценка правовых позиций Конституционного Суда РФ в сфере избирательного законодательства позволяла и позволяет не только проанализировать текущее состояние судебной защиты избирательных прав и свобод граждан, но и выявить перспективы развития данного направления. Добавим к сказанному, что интерес к судебной практике разрешения избирательных споров обусловлен еще и бесспорным приоритетом института судебной защиты, которая традиционно выступает важнейшей конституционной гарантией прав граждан (в том числе права избирательного).

Если же принять во внимание, что судебная практика Конституционного Суда РФ, связанная с проблемами избирательного права и процесса, представляет существенную долю всех решений суда, то роль и анализ этих решений для совершенствования избирательного законодательства и правоприменительной практики приобретают весьма значимый характер.

Влияние Конституционного Суда РФ на процесс законотворчества в области избирательного права, как на федеральном, так и на региональном уровнях, выражается в том, что Конституционный Суд РФ:

- дает общеобязательное, нормативное толкование Конституции РФ;
- прекращает действие правовых норм, признанных несоответствующими российской

Конституции и действующему законодательству о выборах;

- раскрывает содержание принципов и институтов избирательного права;
- формирует общенациональный правовой стандарт в области избирательных правоотношений, поскольку в своих решениях указывает на необходимость нормативного урегулирования того или иного вопроса и внесения необходимых изменений в действующее законодательство.

Выделим наиболее значимые вопросы реализации избирательных прав и права на участие в референдуме, по которым Конституционный Суд РФ высказал свое отношение:

- *вопросы, связанные с уточнением содержания применяемых в текстах законов о выборах понятий, терминов и определений.* В частности, в Постановлении от 10 июня 1998 г. №17-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 4, 13, 19 и 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» Конституционный Суд РФ определил, что «принцип свободных выборов предполагает, в частности, наличие у избирателей права выражать свою волю в любой из юридически возможных форм голосования в соответствии с установленными законодателем процедурами, с тем чтобы исключалась возможность искажения существа волеизъявления избирателей; воля избирателей может быть выражена голосованием не только за или против отдельных кандидатов, но и в форме голосования против всех внесенных в избирательный бюллетень кандидатов».

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 марта 2000 г. №4-П раскрыт принцип равного избирательного права, которое, как указал Суд, «заключается прежде всего в наличии у каждого избирателя одного голоса (или одинакового числа голосов) и в участии в выборах на равных основаниях. Это обеспечивается, в частности, включением избирателя не более чем в один список избирателей, образованием в принципе равных по числу избирателей избирательных округов, соблюдением установленных норм представительства, предоставлением равных юридических возможностей участия в предвыборной кампании для кандидатов, а также иными правовыми, организационными, информационными средствами и способами, гарантирующими соответствующее конституционному принципу народовластия в демократическом правовом государстве действительное представительство народа в выборных органах публичной власти».

А, например, Определением Конституционного Суда РФ от 4 ноября 1996 г. №90-О по запросу Читинской областной Думы в юридический оборот было введено понятие «альтернативность выборов». Конституционный Суд РФ квалифицировал альтернативность как «важнейшее условие подлинно свободных выборов, обеспечивающее избирателю реальную возможность выбора одного из нескольких кандидатов посредством свободного

волеизъявления. Если на выборах число кандидатов окажется либо меньше установленного числа мандатов, либо равным ему, избиратель лишается такой возможности, а выборы превращаются в формальное голосование».

– *вопросы, связанные с установлением законами субъектов РФ различных избирательных «цензов», не соответствующих Конституции РФ.* Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. №12-П в связи с запросом Государственной Думы положения Конституции Республики Башкортостан и Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 г.) в части установления таких дополнительных условий реализации гражданами пассивного избирательного права на выборах Президента Республики Башкортостан, как достижение кандидатом минимального (35 лет) и максимального (65 лет) возраста, а также продолжительность его проживания (не менее 10 лет) на территории Республики Башкортостан, были признаны не соответствующими Конституции РФ.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 24 июня 1997 г. №9-П в связи с запросом Президента Российской Федерации были признаны не соответствующими Конституции РФ положения Конституции Республики Хакасия, устанавливающие требования о сроке постоянного проживания (не менее пяти лет) как условия избрания гражданина Республики Хакасия депутатом Верховного Совета Республики Хакасия и сроке проживания (не менее семи лет) до выборов как условия избрания гражданина Республики Хакасия Председателем Правительства Республики Хакасия.

Добавим, что правовая позиция Конституционного Суда РФ в последующем получила отражение в пункте 5 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в редакциях 1997 и 2002 гг., который установил, что «Ограничения пассивного избирательного права, связанные с постоянным или преимущественным проживанием на определенной территории Российской Федерации, могут устанавливаться только Конституцией Российской Федерации. Установление федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации продолжительности и срока постоянного или преимущественного проживания гражданина Российской Федерации на территории субъекта Российской Федерации, муниципального образования в качестве основания для приобретения пассивного избирательного права не допускается».

– *вопросы, связанные с реализацией активного и пассивного избирательного права.*

Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 22 января 2002 г. №2-П было признано не соответствующим Конституции РФ нормативное положение, содержащееся в части второй статьи 70 Конституции Республики Татарстан и пункте 8 статьи 21 Закона

Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан», согласно которому пассивным избирательным правом на выборах в Государственный Совет Республики Татарстан по административно-территориальным избирательным округам обладают лишь постоянно проживающие или работающие на территории данного избирательного округа.

В другом случае ряд граждан оспаривали конституционность подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в редакции 2012 г.), устанавливающего, что не имеют права быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления граждане Российской Федерации, осужденные когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, за исключением случаев, когда в соответствии с новым уголовным законом эти деяния не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. №20-П указанный выше пункт был признан не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой им установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений.

В вышеприведенных ситуациях установление дополнительных условий приобретения гражданином Российской Федерации пассивного избирательного права в первую очередь нарушает статью 19 Конституции РФ, устанавливающую принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

– *вопросы, касающиеся предвыборной агитации и информационного обеспечения выборов.* Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. №15-П определено соотношение информирования и агитации в средствах массовой информации в период выборов. Конституционный Суд отметил, что «действия, не имеющие целью побудить избирателей голосовать за кандидатов или против них, т.е. не обусловленные объективно подтвержденным умыслом добиться конкретного результата на выборах, не могут рассматриваться в качестве предвыборной агитации».

Кроме того, положение подпункта «ж» пункта 2 статьи 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» было признано не соответствующим Конституции РФ, поскольку «на его основании во взаимосвязи с положением пункта 4 статьи 2 того же Федерального

закона в качестве предвыборной агитации признаются любые иные помимо перечисленных в подпунктах «а», «б», «в», «г», «д», «е» пункта 2 статьи 48 действия, имеющие целью побудить или побуждающие избирателей голосовать за кандидатов, списки кандидатов или против них, против всех кандидатов, против всех списков кандидатов.

Тем самым создается возможность недопустимо широкого усмотрения правоприменителя при квалификации информационной деятельности представителей организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации, как нарушающей установленный для них подпунктом «ж» пункта 7 статьи 48 данного Федерального закона запрет проводить предвыборную агитацию. Это также несовместимо с юридическим равенством, ограничивает свободу массовой информации и право граждан на получение информации, необходимой для формирования свободного волеизъявления на выборах».

Существенные изменения в избирательное законодательство, касающиеся правил проведения предвыборной агитации, внесло и Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. №10-П, которым не соответствующим Конституции РФ был признан запрет на проведение гражданами направленной против всех кандидатов агитации, если такая агитация проводится лично и (или) за счет собственных денежных средств. Подобный запрет, как установил Конституционный Суд РФ, противоречит частям 1 и 4 статьи 29 Конституции РФ, в которых гарантируется свобода мысли и слова и право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию.

Суд также пришел к выводу, что проведение предвыборной агитации, побуждающей избирателей выразить свою волю посредством заполнения графы «против всех» в избирательном бюллетене, с привлечением средств избирательных фондов, которые создаются специально для того, чтобы кандидаты смогли реализовать свое пассивное избирательное право, в рамках демократического избирательного процесса объективно затруднено. Самостоятельное же, за счет собственных денежных средств осуществление гражданами предвыборной агитации против всех кандидатов федеральным законом не регламентируется, что может рассматриваться правоприменительной практикой и как абсолютный запрет для граждан проводить такую агитацию. Суд указал на необходимость создания правовых условий для реализации гражданами своего права на предвыборную агитацию, имеющую в качестве цели голосовать против всех.

В постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ нашли разрешение многие другие вопросы избирательного права и процесса (например, *вопросы, касающиеся распределения и передачи депутатских мандатов*, получившие отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2014 г. №33-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об

основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.В. Гончарова»; *вопросы, связанные с деятельностью избирательных комиссий и оказанием им правового содействия*, которым посвящено, например, Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2021 г. №6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.С. Цукасова».

Таким образом, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации играют важную роль в защите избирательных прав граждан, влияют на состояние законности избирательного процесса, в конечном итоге способствуют совершенствованию законодательства о выборах. Стоит согласиться с тем, что «своевременное введение в научный и юридический оборот массива правовых позиций Конституционного Суда РФ в области избирательных отношений несомненно положительно повлияет на практику правотворческой и правоприменительной деятельности в области избирательного права и процесса» [6, с. 68].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 75–85.
2. Остапович И. Ю. Конституционный Суд РФ в нормотворческом процессе // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2 (71). – С. 133–138.
3. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. – М.: БЕК, 1998. – 462 с.
4. Кокотов А. Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 21–24.
5. Долматова М. Б. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в решениях по вопросам избирательного права: дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2005. – 198 с.
6. Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1992-1999) / отв. ред. А. А. Вешняков. – М.: НОРМА, 2000. – 720 с.